

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
Санкт-Петербург

Юрфакты

Электронный журнал
юридического факультета

Тема номера:
Актуальные вопросы
истории государства и права

№ 2 (5)

2012 год

Санкт-Петербург

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 4

Материалы студенческой научной конференции
«Унификация права и политическое объединение
страны (к 150-летию объединения Италии)»,
Санкт-Петербург, 13 апреля 2012 г.

Редакционная коллегия:

Г.А. Гаджиев

Т.А. Алексеева (гл. ред.)

Д.В. Нефедов

В.А. Сивицкий

Р.Ю. Почекаев (вып. ред.)

Аленина Ю. Особенности процессуального
положения мусульман в королевствах
христианской Испании в эпоху Реконксты 5

Аханьков А. Объединение Итальянского
королевства в XIX в.: взгляд из России 9

Березюк В. Влияние римского права на
развитие обязательственного права Германии
в конце 19 века 14

Бессонова Е. Основы унификации права
Европейского Союза 19

Богатова Е. Общегосударственные
кодификации Норвегии и Швеции:
сравнительно правовой анализ 23

Куприянова В. Прекращение брака по ГК
Итальянского королевства 1865 года 27

Ледуховская Д. Отражение традиций римского
права в унифицированном законодательстве
Франции на примере института собственности
по ГК Наполеона 31

Мартинчик А. Ответственность за
неисполнение внедоговорных обязательств по
ГК Италии 1865 г. 36

**Проблемы истории государственности и права
зарубежных стран**

Алексеева Т. А. Юридические особенности
испанских конституций 40

Волков А. К. Модели конституционной
юстиции Э. Ж. Сийеса и их реализация в
период Первой и Второй империй во Франции 46

Джобава Н. А. Кабинет министров
Великобритании в период между мировыми
войнами 51

Дунаева Н. В. Правовые основы политики
попечительства в Российской империи в
первой половине XIX в. 60

Почекаев Р. Ю. Монгольские завоеватели и мирное население: правовые аспекты взаимоотношений 68

Соломонова С. А. Следы римского влияния в Швейцарии 76

Научные и научно-методические мероприятия юридического факультета

Эксархопуло А. А. Круглый стол «Экспертиза как инструмент доказывания в судебном процессе» 81

Нефедов Д. В., Волков А. К. Проблемы правового регулирования экономики в России и Китае 83

Участие сотрудников факультета в научной жизни профессионального сообщества 86

Новые издания факультета и его сотрудников 94

Уважаемые читатели!

Мы продолжаем знакомить вас с новостями юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, работами его сотрудников и студентов на страницах нашего электронного журнала.

Настоящий номер посвящен различным вопросам истории государства и права. В нем опубликованы материалы студенческой научной конференции «Унификация права и политическое объединение страны (к 150-летию объединения Италии)», прошедшей в апреле 2012 г. Кроме того, мы продолжаем традицию размещения в нашем журнале работ сотрудников факультета, ранее публиковавшихся в малотиражных и труднодоступных для широкой читательской аудитории. На этот раз в номер вошли работы ряда преподавателей, посвященные историко-правовой тематике.

В номер также вошла информация о научных мероприятиях, прошедших на юридическом факультете осенью – зимой 2012 г., а также хроника научных событий за вторую половину 2012 г., в которых принимали участие сотрудники и студенты факультета – в Санкт-Петербурге, других городах России, а также за рубежом, об изданиях, выпущенных факультетом и его сотрудниками.

Редакция приглашает к сотрудничеству с журналом преподавателей и студентов юридического факультета в качестве авторов научных публикаций, обзоров научных новостей, а также надеется получать отзывы и предложения относительно дальнейших направлений развития нашего издания, тем следующих номеров и т. д.

Редакционная коллегия

**МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«УНИФИКАЦИЯ ПРАВА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
СТРАНЫ (К 150-ЛЕТИЮ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ)»,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 13 АПРЕЛЯ 2012 Г.**

Ю. Алена

**Особенности процессуального положения мусульман
в королевствах христианской Испании в эпоху Реконксты**

Данная статья посвящена регулированию правового положения мусульманского населения в такой период испанской истории, который определил всю последующую судьбу испанского народа, все особенности его развития, его права, культуры – о реконксте,¹ что в переводе с испанского означает «отвоёвывание». За рубежом этой темой занимались такие авторы, как А. Кастро, П. Гишар, К. Санчес Альборнос и другие, а в России – И. И. Варьяш. В основном эта проблема исследуется с исторической точки зрения, я остановлюсь лишь на правовой стороне, а именно на процессуальном статусе мусульман в христианских государствах Испании. Эта тема весьма актуальна, ведь речь идёт о статусе иноконфессиональной группы населения в рамках средневекового государства. Можно найти аналогии между особенностями статуса мусульман в Испании и статуса различных национальных и религиозных меньшинств в других крупных государствах (например, в Российской империи).

Итак, реконкста продолжалась приблизительно с начала VIII века - после завоевания Пиренейского полуострова арабами - по XV век, когда в 1492 году король Фердинанд II Арагонский и Изабелла I Кастильская изгнали последнего мавританского властителя с Пиренейского полуострова. В узком значении "реконкста" обозначает военно-политический конфликт христианских и мусульманских территорий, непрерывную многовековую войну против мавров, возвращение под эгиду христианства. В широком смысле Реконкста – доминанта эпохи – являлась, безусловно, более сложным и противоречивым явлением, одновременно и завоевательным, и колониационным процессом, повлиявшим на всю Испанию.

Включение во время этого периода новых территорий в состав испанских христианских королевств породило особый феномен – городские мусульманские общины (альхамы), которые вели относительно автономное существование на территории христиан. Эти альхамы, соответственно, состояли из тех мусульман, которые остались на старых местах при изменившемся правлении и которые стали известны как

---

¹ Кудрявцев А.Е. Испания в средние века. Л., 1937. С. 308

мудехары, что от арабского обозначает «тот, кто платит налог». Чуть более точное определение дается в «Истории Испании»: «мудехары - это мусульмане, покоровшиеся христианам либо в силу договора об уплате дани, либо на основании капитуляции или союза».¹

С успехами Реконкисты в XIII веке количество мусульман под властью христианских королей росло. Короли понимали его значимость, которая состояла, прежде всего, в экономической выгоде, так как это была именно та группа населения, которая несла многочисленные королевские расходы, а так же в том, что мудехары являлись мастеровитыми ремесленниками, к тому же они обязаны были нести военную службу по приказу короля. Поэтому корона стремилась сохранить как можно больше мусульманских представителей.

Следовательно, власти сами были заинтересованы в правовом регулировании жизни мусульман. Именно поэтому короли создавали собственные нормы правового регулирования положения мудехаров, такие как фуэро, капитуляции, решения кортесов, королевские постановления и ограничительные законы. Власти даровали подданным различные привилегии, к примеру, мусульмане могли следовать своей религии, отчасти законам, обычаям, свободно заниматься ремеслом и торговлей, открыто передвигаться по территории Пиренейского полуострова и даже эмигрировать из страны, поэтому можно

---

¹ Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. Т.1. М., 1951. С. 180.

говорить о том, что мавры находились практически в том же положении, что и покровительствуемые меньшинства в мусульманском государстве. Впоследствии в Валенсии была составлена «Книга Сунны и Шары мавров» - запись мудехарского законодательства, которой можно было разрешать внутренние конфликты мусульман. Однако корона, ее постановления и решения все-таки являлись главенствующими во многих вопросах.

Для того, чтобы лучше понять, в чем заключалась особенность и двойственность правового положения мусульман среди христианского населения, необходимо, на мой взгляд, коснуться одного очень важного момента. Известно, что мудехары занимали в Арагонском королевстве особое положение: они изначально входили в христианское общество как привилегированная группа, так как жили в королевстве благодаря привилегиям, которые даровали испанские короли обычно в форме капитуляций. Однако время требовало правовых перемен, так как реальная жизнь была безусловно сложнее этих привилегий, ведь они регулировали очень ограниченное количество вопросов. К тому времени можно было твердо сказать о том, что европейская правовая система располагает большими преимуществами, нежели мусульманская. Поэтому неудивительно, что все чаще появлялись случаи, когда мусульмане предпочитали королевский суд суду алькади – мусульманского судьи. А ведь именно судья являлся ключевой фигурой в средневековом

судопроизводстве, как в судебном разбирательстве, так и на его подготовительных стадиях. Кади судил один и его решение не могло быть подвержено апелляции или кассации, его суд изначально распространялся на все категории мусульманского населения. В такой ситуации использования параллельности двух систем права возникало наличие «некоего промежуточного поля между ними». ¹ Складывалась обстановка, в которой мавр оказывался вне действия мусульманского закона и при этом не мог находиться в области европейской системы права в полной мере.

Получается, у мудехара был шанс выбирать из разных правовых систем. Поэтому неоднократно случалось, что мусульманин отказывался от ислама в пользу христианства или иудаизма.²

В таком случае, согласно шариату, мусульманин оказывался вне закона и был обречен на смерть. Но в Арагонском королевстве отказ от ислама в пользу христианства рассматривался иначе – в таких случаях мусульманин со временем переходил под юрисдикцию европейского права. Возникало немало проблем, так как мусульманское правоведение не знало политически подчиненного статуса ислама, а в европейской системе не были разработаны нормы, регулировавшие

вопросы о статусе новообращенного из одной религии в другую. Власти приветствовали переход мусульман под эгиду христианства, но на практике не всегда знали, как объяснять некоторые казусы и само отношение к неофитам. Мусульманин, сменивший конфессию, получал немало преимуществ в правовой сфере, например в случае развода он мог не возвращать жене калым и приданное. Были и другие преимущества смены конфессии, например рабыня после принятия иудаизма могла обрести свободу для себя и своих детей, при этом выплатив хозяину убытки. Самого удивительного рода переходы, на мой взгляд, происходили с преступниками по меркам шариата. Дабы избежать серьезного наказания, некоторые из них обращались в христианство. Преступник оказывался в промежуточном состоянии, как бы «вне закона» - шариат уже не действовал, а нормы иного права еще не функционировали. В подобных ситуациях действовало неким образом королевское право, которое заменяло закон.

Таким образом, по поводу юстиции того времени можно сделать следующий вывод: она была весьма противоречива. С одной стороны, существовала законодательная база в виде Корана, а впоследствии и «Книга Сунны и Шары мавров». С другой стороны имело место безусловное господство христианских законов, почти всегда применяемых среди мусульман и обуславливающих их правовую жизнь. Количество апелляций к королю со стороны мудехаров подтверждало сложность и недостаточность судебной системы, что

---

¹ Варьяш И.И. Опыт пиренейских мусульман: вне закона, но в социуме // Право в средневековом мире. СПб., 2001. С. 319.

² Ferrer M.T., Mallol I. Els sarraïns de la corona catalano aragonesa en el segle XIV. Segregació i discriminació. Barcelona, 1987. App. Doc. № 10, 68.

определялось указанной двойственностью источников права.

В заключение мне бы хотелось добавить, что со временем эти процессуальные особенности становились все менее актуальными, так как

мусульмане все более и более интегрировались в систему христианского права и процесса и к началу XVII века последние мавры-мусульмане были либо обращены в христианство, либо покинули Испанию.

Объединение Итальянского королевства в XIX в.: взгляд из России

Объединение Италии – достаточно долгий процесс. По мнению большинства историков, он представлял собой объединение различных государственных образований в целое государство. Основные же события объединения Италии приходятся на вторую половину XIX в. Именно оценка периода со стороны современников - журналистов, публицистов, писателей, общественных и государственных деятелей России является предметом рассмотрения в докладе.

Историки выделяют три этапа объединения Италии: 1) первоначальный, по сути подготовительный период Рисорджименто, временные рамки которого приходятся на 40-50-е гг.; 2) следующий период – время национально-освободительной борьбы, войны с Австрией. Окончание периода историки связывают с официальной коронацией Итальянского короля – 17 марта 1861 г; 3) заключительный период. Время, когда под властью итальянского короля объединялись земли Италии. Продолжался он до 1871 г., когда столицей становится Рим.

К идее объединения Италии общество в России относилось с пониманием и нейтрально-доброжелательно в том случае, если под этим подразумевалось общее стремление всех итальянцев к социально-культурному и политическому объединению. Революционные же

движения воспринимались в контексте европейских революций, которые в дипломатических и общественных кругах рассматривались как негативные явления, нарушающие порядок. Но другой, отдельной стороной интереса, представлялись положительные, хотя и радикальные оценки русских революционеров-эмигрантов – А.И. Герцена и М.А. Бакунина. Но их внимание скорее было связано с общеевропейским революционным движением, нежели к абстрактной идее объединения Италии.

Крымская война внесла свои изменения. У российского общества не вызывало симпатию участие Италии в военных действиях против вооруженных сил России. Но даже не смотря на это, основные события на итальянской территории вызывали у русского общества одобрение.

После того, как на российский престол вошел Александр III, была значительно ослаблена цензура, что позволило широко распространиться печатным изданиям. Это помогло быть в курсе всех событий не только на территории России, но и за рубежом. Любое острое событие находило свое отражение в публикациях русских деятелей. Национально-освободительным движением интересовались видные государственные и общественные деятели - В.Д. Яковлев (1817–1884), Н.К. Альбертини (1826–1890), В.Ф. Корш

(1828–1883), Б.Н. Чичерин (1828–1904), Н.Г. Чернышевский (1829–1889), Н.А. Добролюбов (1836–1861), Е.И. Утин (1843–1894) и другие.

В 1859 г. началась война между Францией с Сардинией против Австрии. В России эта война сразу же была воспринята как национально-освободительная, причем как в среде революционных демократов, так и в среде консерваторов и либералов. Н.В. Альбертини, сотрудник журнала «Отечественные записки», писал о войне так: «Италия переживает один из великих моментов в своей жизни. Знамя, поднятое Пьемонт, есть знамя всей Италии, и общим, полным и беспредельным сочувствием отозвалась она на призывный клик. И в том движении, которое совершается в Италии в последние три, четыре месяца, сколько сознания, спокойствия, умеренности!.. У итальянцев определенные цели, они знают теперь, чего хотят; их либеральные стремления можно в настоящее время взвесить, определить. Они имеют перед собой образец — Пьемонт, ставший во главе движения».¹

На события реагирует и журнал «Московские ведомости», где известный русский журналист В.Ф. Корш высказал свое мнение. Он писал: «Конечно, итальянцы могут много сделать для независимости Италии. Последними известиями из Флоренции и герцогств решительно доказывается, что все происходящее в Италии отличается характером национального движения.

Уже с некоторого времени важные демонстрации, сочинения, одобряемые общим голосом народа, свидетельствовали, что все партии в Италии содействуют усилиям к освобождению, которому главным центром служит Пьемонт».²

8 июля 1859 г. французский император вступил с австрийцами в отдельные переговоры и заключил Виллофранкское перемирие. В результате переговоров Австрия уступила Франции Ломбардию. Ввиду того, что в переговорах не участвовала Сардиния, был уволен премьер-министр Сардинского королевства К. Кавур. Австрия продолжала вести жесткую политическую линию в отношении Сардинии, пытаясь усилить свое влияние на территории Италии.

Эти события вызвали широкий резонанс в российской публицистике того времени. Оценки были разнородные — от отрицательных до весьма положительных. Отрицательную, но сдержанную и корректную оценку высказал в журнале «Современник» за 1859 г. общественный деятель и революционер Н.Г. Чернышевский: «Итак, мир! — мир, заключенный с такою быстротою или, лучше сказать, торопливостью, что долго не могли опомниться от этого внезапного, скоростижного факта люди, верившие в серьезность войны, то есть девять человек из десяти, читающих газеты и рассуждающих о политике. <...> Да, мир, по которому Австрия остается

¹ Отечественные записки. 1859. Т. 124. Ч. 1. С. 1-2, 29.

² Московские ведомости. 1859. № 122. С. 911.

владычицею Венеции, владетельницей крепостей на Адидже и Минчио, дающих военное господство над всей Северной Италией, — мир, по которому единство Италии создается в форме итальянской конфедерации под председательством папы, то есть под формою, еще бессильнейшею, нежели Немецкий союз, — мир, по которому членом этой конфедерации становится Австрия, то есть ненормальное тяготение ее над другими итальянскими государствами посредством тайных трактатов и незаконного занятия крепостей войсками, — шаткое господство это заменяется открытым, нормальным господством над ними посредством законной формы, гарантируемой Европою, — мир, по которому Сардиния получает область, не довольно большую, для того чтобы дать ей силу стоять одной против Австрии, но достаточно большую для того, чтобы Австрия не могла забыть этой потери и постоянно искала случая возвратить ее, имея готовый ключ к тому в своих крепостях на Минчио и Адидже, то есть такой мир, по которому Сардиния из безопасного и потому самостоятельного государства становится вассальным владением Франции, у которой безусловным послушанием должна покупать милостивое покровительство, служащее для нее защитою от Австрии, — итак, мир, по которому к прежнему игу, австрийскому, присоединяется еще новое иго, французское». ¹

---

¹ Чернышевский Н.Г.. Полное собрание сочинений. Т. VI. М., 1949. С. 275-277.

Представитель либерализма в России, известный политический мыслитель, правовед и философ Б.Н.Чичерин в своих «Письмах из-за границы», опубликованных в номере от 17 января 1860 г. газеты «Наше время», так прокомментировал ситуацию: «Виллофранкский мир поразил итальянцев как гром. Возбужденный восторг, близкие к осуществлению надежды — все рушилось разом. Из разумных людей никто, конечно, не ожидал полного разрешения итальянского вопроса. Знают, что это дело многих лет и тяжелых усилий. Но надеялись, что из двух главных преград национальному движению — светской власти папы и австрийского владычества — последнее будет устранено окончательно. А между тем Австрия сохраняла грозное свое положение в Италии, и итальянцы снова видели себя беззащитными перед громадною силой соседа. <...> Ответом на Виллофранкский мир было решение Центральной Италии соединиться под скипетром сардинского короля, — явление неожиданное, замечательное, которое составляет главный узел итальянского вопроса в настоящее время». ²

Исходное начало для перспективных в дальнейшем и для России, и для будущего единого итальянского государства дипломатических отношений было положено общей оценкой, данной в 1860 г. А.М.Горчаковым в Отчете Александру II о деятельности МИД

---

² Чичерин Б.Н.. Письма из-за границы // Наше время. 1900. № 1. С. 11-12.

России за 1860 г. Он пишет: «Стремление итальянских государств к объединению не противоречило интересам России. С точки зрения политической итальянские дела не затрагивают непосредственно наших интересов. Нас нисколько не беспокоило бы, если бы Италия стала независимой, сильной и процветающей».¹

В широком обзоре Н.Г.Чернышевского «Общий очерк хода событий в Южной и Средней Италии», опубликованном в журнале «Современник» за 1860 год, подводились итоги событиям в Италии: «Должно отдать Кавуру ту справедливость, что он выказал, наконец, себя человеком расчетливым, когда увидел неудачу всех своих попыток действовать мелкими интригами. Он понял, наконец, что единственное средство бороться с Гарибальди и радикалами, представителем которых служит Гарибальди, состоит в том, чтобы самому приняться за дело, дающее им власть над нацией. Народное движение оказалось неудержимым в противность прежним усилиям Кавура удержать его. Еще несколько недель, и общественное мнение передало бы управление делами в Северной Италии предводителю волонтеров и людям, мнение которых он разделяет. Чтобы удержать власть, Кавуру надобно было самому стать во главе движения, и он сделал это».²

В 1860г. Франциск II, король Сицилий, был лишен престола. Эти территории вскоре были присоединены к

¹ АВПР, ф. Канцелярии МИД, д. 38, л. 21 об.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1950. С. 292.

Сардинии. 27 января 1861 г. прошли выборы в итальянский парламент. Он же, 17 марта 1861 г., провозгласил создание нового Итальянского королевства и его нового короля – Виктора Эммануила II. Россия не спешила с дипломатическим признанием Королевства Италии. Только спустя год, когда

Итальянское королевство уже официально признали Англия, Франция, Швейцария, Пруссия, США, ряд скандинавских и латиноамериканских государств, 8 июля 1862 г., вышло соответствующее постановление. Еще позднее, в ноябре 1863 г., между Италией и Россией был заключен договор о торговле и мореплавании, действующий в основных своих положениях вплоть до 1907 г.

После разрешения вопроса о Венеции, которая присоединилась к Итальянскому королевству после Пражского мира в 1866г., вышла статья Е.И.Утина в журнале «Вестник Европы». Он писал: «...осуществило, наконец, мечту всего итальянского народа, загладило большую историческую ошибку, исполнило завещание великих мучеников Италии, навсегда разорвало несчастный Кампо-формийский мир, который закрепил за Австрией ее господство в Италии! От Альп и до Этны, от Адриатики до Тирренского моря раздается один радостный крик: нет более австрийцев!»³

2 октября 1870г. в Риме прошел плебисцит, в результате которого Рим присоединился к Италии. После он был

³ Вестник Европы. 1866. Т. IV. С. 73.

объявлен официальной столицей королевства. Россия поддержала действия Итальянского. В этой связи А.М.Горчаков дал русскому посланнику в Итальянском королевстве барону Иксулю такую директиву 17 декабря 1870 г.: «Вы последуйте за королем в Рим, если дипломатический корпус будет туда приглашен».¹

Подводя итог, следует сказать, что мнения о событиях в Италии были различны, порой и существенно. Процесс объединения Италии сопровождался широкими революционными движениями. Такие настроения соответствовали большинству стран Европы, поэтому они нашли свое оправдание во многих странах, в том числе и в России. Русские революционеры с пониманием относились к развитию освободительских движений. Противоположными же можно считать мнения государственных деятелей, которые открыто осуждали революционные настроения и движения, откровенно опасаясь их. Несмотря на различия можно выделить и общие черты – осторожность, объективность. Журналисты, политики и историки в своих публикациях старались аккуратно и зачастую сдержанно высказывать свои мнения. Это объясняется недостаточной осведомленностью и неподдельным интересом к появлению на мировой арене нового субъекта – единого Итальянского королевства.

---

¹ Горчаков А.М. *La Papauté et la Question Romaine* (Папство и римский вопрос) // *Revue des Deux Monoles*. 1839. д. 56, л. 630.

Влияние римского права на развитие обязательственного права Германии в конце 19 века

Одной из проблем, предложенных организаторами конференции, является вопрос об кодификациях права. Благоприятной иллюстрацией этого явления является, на мой взгляд, выбранная тема «Влияние римского права на развитие обязательственного права Германии в конце 19 века».

Автором работы будет предпринята попытка выявить степень влияния римского обязательственного права на Гражданский кодекс Германии 1896 г.

Из данной цели вытекают следующие задачи:

1. Провести анализ норм, регулирующих отношения сторон в обязательствах
2. Проанализировать нормы, касающиеся оснований, порождающих обязательства
3. Проанализировать нормы, касающиеся содержания обязательств и предмета обязательств.

Рассматривая проблемы рецепции римского права в мире, исследователи, прежде всего, акцентируются на рецепции римского права в Германии в Средние века и новое время. В литературе отмечается, что все средневековые «видело» в германском императоре преемника римских императоров, властителя западного христианского мира. В связи с этим, германские государи смотрели на себя, как на непосредственных преемников римских императоров, а потому считали

своей обязанностью покровительствовать римскому императорскому законодательству.

В истории права XIX век нередко называют веком кодификаций. Пришедшая к политической власти буржуазия стремилась к законодательному оформлению своих основных юридических принципов: формального равенства, автономии личности, свободы и неприкосновенности собственности. В начале века эти принципы закрепил во Франции знаменитый Кодекс Наполеона (ФГК 1804 г.). В конце века в Германии принимается известный законодательный акт - Гражданский Кодекс 1896 года. Можно без преувеличения сказать, что в континентальной (романо-германской) системе права германский ГК является наиболее выдающимся достижением буржуазной юридической мысли. В самой Германии составление БГБ было целой эпохой. «В истории германского права вообще не было другого события, которое могло бы сравниться по своей всеобщности и глубине с тем, которое совершилось благодаря введению в действие общего гражданского кодекса», - подчеркивает германский ученый-юрист Фр. Бернгефт. ГК 1896 года действует в ФРГ с отдельными исправлениями и дополнениями до настоящего времени.

ГГУ в значительной степени базируется на римском праве. В то же время, в нем содержатся положения

германского права. В ГГУ вошли также выработанные на рубеже двух веков юристами новые правила, способствующие развитию буржуазных отношений. Итак, далее посмотрим, в какой же степени римские источники повлияли на обязательственное право германии конца 19 века.

1. Если мы посмотрим на структуру уложения, то уже на ее примере можем проследить влияние римских источников. Кодекс построен по так называемой "пандектной" системе. Пандекты - это средневековое название одной из частей кодификации Юстиниана, которая в Риме называлась дегеста - сборник изречений пяти наиболее известных римских юристов, которые были построены по определенной системе (принципу). В соответствии с ней общие для всех институтов нормы содержатся в общей части. Сравним обязательственное право в контексте римских источников и ГГУ.

2. Рассмотрим понятие обязательства. Как и в римском праве, в Германском гражданском праве 19 века обязательствам отведено очень значительное место. Понятия и основные принципы обязательств закреплены в книге второй Германского Гражданского уложения. Характерная черта германского уложения - отсутствие общих юридических определений. Соответствующие его параграфы носят скорее описательный характер, однако, в соответствии с § 241 ГГУ мы можем понять, что «на основании обязательственного отношения кредитор имеет право требовать от должника совершения условленного предоставления

(удовлетворения)». По римскому праву «обязательство есть правовые оковы, посредством которых мы необходимо принуждаемся что-нибудь исполнить согласно праву нашей страны» (1.3.13. пр.). Согласно определению Павла, «сущность обязательства не в том состоит, чтобы сделать какой-либо предмет нашим, но чтобы связать другого перед нами, дабы он что-нибудь сделал или предоставил». Следовательно, германский законодатель заимствовал из римских источников основной принцип обязанности должника исполнить обязательство и принцип права должника истребовать это исполнение.

3. Теперь рассмотрим стороны в обязательстве. Обязательство есть личное отношение между лицами, так или иначе оформившими своими действиями эту связь между собою, притом подразумевающее наличие определенных характеристик этой связи, или реквизитов. Обязательство может быть заключено между двумя физическими лицами (индивидами), может быть оформлено между несколькими лицами. Как в римском праве, так и в германском обязательство подразумевает наличие двух определенных сторон с определенной ролью, неизменной на протяжении действия данного конкретного обязательства: кредитора и должника. Кредитор (creditor) — это «тот, кому кто-либо что-либо должен на основании иска, или на основании обвинения... или в безусловном виде, или со сроком, или под условием». Должник (debitor) - «тот, у кого можно истребовать деньги против его воли». Ряд требований предъявлял германский кодекс к дееспособности лиц, заключающие сделку (§ 104-115). БГБ в

числе лиц, лишенных дееспособности (§ 104) лишает дееспособности только несовершеннолетних, не достигших 7-летнего возраста. Несовершеннолетние старше этого возраста признаются германским правом уже ограниченно дееспособными, и договоры, ими заключенные (даже без согласия законного представителя), считаются в определенных пределах действительными с самого начала (§106 и 110). Так же недееспособными признавались лица, находящиеся в состоянии болезненного расстройства психической деятельности, исключающего свободу волеизъявления, если это состояние по своей природе не является временным. В римском праве требования, предъявлявшиеся к сторонам, были намного жестче. К примеру, полноценным субъектом частного права могло быть лицо, обладающее тремя статусами: находящееся и свободном состоянии, принадлежащее к римскому гражданству, занимающее особое положение в римской семье, т.е. обладающее завершённой дееспособностью. Также важными элементами являлись: *jus commercii* - право участвовать в коммерческом обороте, выступать субъектом вещных и обязательственных прав, вступать в различные предусмотренные сделки; и *legis actio* - право подавать законные иски и соответственно пользоваться предусмотренными квинитским правом формами охраны своих интересов. Не подлежал оспариванию также объем гражданских прав лица в зависимости от возрастной, половой и сословной характеристики субъекта. Женщины, даже

будучи римскими гражданками, не обладали полной правоспособностью, невзирая на положение в семье, и никогда не могли претендовать на таковое. Безусловным отсутствием полноценной правоспособности характеризовались несовершеннолетние в гражданско-правовом смысле (даже если в отношении публичного права они были полноправными гражданами). Не могли претендовать на это и гражданского права лица, находившиеся в другом сословном положении, определяемом как общим гражданским публично-правовым статусом этих лиц, так и их происхождением. Также В Уложении особое место уделено волеизъявлению сторон (§116-144). Для совершения договора (как и всякой сделки) недостаточно, чтобы лица, его совершающие, имели решение воли установить определенные правоотношения. С внутренним решением лица, пока оно не получило выражения вовне, не могут связываться юридические последствия, так как подобного рода внутренние волевые процессы остаются неизвестными для окружающих и их никто не может принять в соображение в своих деловых отношениях. Германское Гражданское уложение также знало такое понятие как «Замена лиц в обязательстве», которое было заимствовано из римских источников. Согласно § 414 и 415 третье лицо по договору с кредитором может принять на себя долг таким образом, чтобы занять место первоначального должника. Согласие может последовать только тогда, когда должник или третье лицо поставят кредитора в известность о переводе долга,

так как кредитора интересует в первую очередь исполнительность и платежеспособность должника. В римском праве осуществляется перевод долга в форме новации, т. е. путем заключения кредитором и новым должником нового договора, имеющего целью прекращение обязательства между данным кредитором и первоначальным должником.

4. Далее рассмотрим рецепцию римского права на примере оснований возникновения обязательств. В германском гражданском кодексе выделяли следующие основания возникновения обязательств:

1) Договор или договорное обязательство

2) Правонарушение (деликт), или деликтное обязательство.

3) Значительное место (§ 823-853) BGB уделил обязательствам из недозволенных действий.

В римском праве помимо деликтного обязательства и договорного обязательства выделяли квазидоговоры и квазиделиты. (D .44.7.5).

Рассматривая договорное основание возникновения обязательств, можно сделать вывод, что заимствование римского права было не стопроцентным. Основным отличием было то, что в германском ГК в основу договорного права был положен классический буржуазный принцип свободы договора, чего мы не можем наблюдать в римском праве. «В силу принципа свободы договора, господствующего над правом обязательственных отношений, стороны могут определить по взаимному добровольному соглашению свои

взаимные правовые и коммерческие отношения...» Основанный на такой общетеоретической предпосылке принцип свободы договора означал предоставление частным лицам обширных правомочий для установления любого юридического отношения, лишь бы оно не противоречило немногочисленным общим предписаниям законов. Еще одним отличием является тот факт, что для действительности договора BGB не требует специальной формы. «Все, что касается формы и содержания договоров, - подчеркивает уже известный И. Колер, - предоставлено свободному усмотрению сторон». В Римском же праве форме договора придавалось огромное значение, и в случае ее нарушения договор терял силу.

Содержание обязательства и предмет обязательства по римским источникам и Германскому гражданскому кодексу практически не отличались. И в римском праве и в ГГУ содержание обязательства составляла обязанность в совершении определенных действий, т. е. действий должника, которые будут направлены на достижение цели обязательства, и право кредитора требовать совершения этих действий: передача вещей, уплата денег, оказание услуг, производство работ. В римских источниках Гай определяет содержание обязательства как:

1) dare (дать) — передача права собственности;

2) facere (сделать) — совершение и несовершение действий;

3) praestare (предоставить) — оказание личной услуги либо принятие ответственности за другого.

Предмет обязательства и в римском праве и в Германском Гражданском кодексе составляло то, что должно быть предоставлено в силу обязательства. Предмет обязательства мог быть в римском праве определен индивидуально, например, продан раб Стих или может быть определен родовыми признаками, например, куплено вино, зерно, масло. В § 243 ГГУ также приводится разграничение между индивидуально определенным предметом обязательства и обязательством, предмет которого определен родовыми признаками. Различие этих двух видов обязательств проявляется при исполнении обязательства: гибель индивидуального предмета обязательства делает исполнение в натуре невозможным между тем как гибель предметов обязательства определяемых родовыми признаками не освобождает, как правило, должника от обязательства. Особую разновидность предмета обязательств и в Римском праве и в ГГУ составляют деньги. Существенное значение этого предмета обязательства

особенно подчеркивается при принудительном осуществлении кредитором своего права требования. Деньги становятся всеобщей заменой исполнения; в случае невозможности исполнения возникшей по вине должника, а также в случае просрочки исполнения убытки присуждаются в деньгах.

Таким образом, можно сделать вывод, что римское право оказало в значительной мере влияние на Германское гражданское уложение 1896 года. Многие понятия и принципы римского обязательственного права в чистом или измененном виде были закреплены в уложении. Кроме того, идеи римского частного права были восприняты сначала правовой наукой, а затем и законодательством многих западноевропейских государств. В результате многовекового процесса распространения римского права на всем Европейском континенте сформировалось относительно однородное правовое пространство, получившее название континентальной правовой системы.

Основы унификации права Европейского Союза

В своем докладе мне бы хотелось рассмотреть следующий ряд вопросов, а именно: Какие виды нормативных актов принимаются в Европейском Союзе? Какова юридическая сила данных актов? Каковы основы классификации унификации права в рамках Европейского Союза? И также рассмотреть унификацию и гармонизацию права в системе высшего образования, в рамках Болонского процесса и в качестве более доступного примера, объяснить какое влияние Болонский процесс оказал на получение образования в России.

Следует отметить, что Европейская система права является одной из уникальных систем наднационального регулирования. Данная система позволяет принимать акты, которые в той или иной степени распространяют свое действие на множество стран, входящих в Европейский Союз.

Основой деятельности европейской системы права является унификация правовых норм. Унификация права — это принятие единообразного регулирования и применение схожих норм права к европейским странам.

1. Юридическая сила актов Европейского Союза.

Европейские институты могут принимать юридически обязательные: положения, директивы и решения. Выбор юридического акта зависит от юридического основания и ожидаемой юридической силы подобного документа.

Итак:

– Положение является обязательным документом, и каждая его норма обязательна для выполнения и применения государством Европейского Союза. Положение применяется напрямую во всех странах Европейского Союза. Таким образом, положение после его принятия становится неотъемлемой частью национального законодательства европейских государств и обязательным для всех граждан и юридических лиц в данном государстве.

– Следующим видом нормативного акта в Европейском Союзе является директива. Директива устанавливает определенные требования и результаты, которые должны быть достигнуты европейскими государствами. Директива не может прямо применяться в странах Европейского Союза. Для того, чтобы директива применялась, правительства должны внедрить нормы директив в местное законодательство. На практике европейские государства обычно либо копируют нормы директивы в свое законодательство, либо принимают акт, согласно которому нормы директивы должны применяться в стране.

– Еще одним нормативным документом Европейского Союза являются решения. Решения, принимаемые в Европейском Союзе, не предназначены для того, чтобы создавать общие обязательства. Решения не представляют собой законодательство. Цель решений-

разрешить определенную ситуацию. В решении напрямую указывается, кому они предназначены. Все нормы решения обязательны для того, кому они предназначаются.¹

2. Классификации унификации законодательства Европейского Союза.

Различают несколько основных классификаций унификации законодательства в рамках Европейского Союза: максимальная и минимальная унификация; исчерпывающая и лимитированная унификация; горизонтальная и вертикальная унификация; детальная и рамочная унификация.

Максимальная унификация означает, что страны должны применять нормативные акты в полной мере. Страны Европейского Союза не могут принимать национальные нормы, которые будут или более строгими, или более мягкими по сравнению с нормами, установленными на уровне Европейского Союза.

Минимальная унификация означает, что нормативные акты Европейского Союза устанавливают только нижний порог требований. Члены Европейского Союза имеют право принимать более строгие нормы права на уровне своего государства. Например, предоставлять большую защиту прав потребителей.

Различить, требует ли тот или иной акт максимальной или минимальной унификации можно в зависимости от содержания и формулировок такого акта.

Например, если в акте содержится

---

¹ Кашкина С.Ю. Основы права Европейского Союза. М., 1997. С. 107

положение о том, что страна может установить более строгие требования, чем установлены в настоящем документе, это означает, что в данном случае имеет место минимальная унификация.

Факт же включения в акт положений о том, что местное законодательство не может устанавливать иные нормы, чем закреплены в акте, означает, что речь идет о максимальной унификации.

Может также различаться объем унификации.

Например, унификация может быть исчерпывающей, когда она покрывает все аспекты данной проблемы, или лимитированной, когда она касается только определенных вопросов данной проблемы. Обычно при лимитированной унификации затрагиваются только те вопросы, которые необходимы для развития единого европейского рынка.

Унификация может быть горизонтальной, покрывающей вопросы по нескольким секторам, или вертикальной, когда вопросы касаются только одного сектора.

Унификация может быть детальная или рамочная. В последнем случае унификация устанавливает только основные принципы. При рамочной унификации страны могут принимать законодательство, которое будет детализировать применение принципов в отдельной конкретной стране.²

3. Унификация права в сфере образования (Болонский процесс).

Гармонизация правового регулирования национальных систем

---

² Энтин Л.М. Право Европейского Союза. М., 2000. С. 234.

высшего образования является важнейшей тенденцией развития мирового рынка высшего профессионального образования. Так, Сорбонская декларация, призывает к унификации правового регулирования в сфере высшего образования и созданию единого европейского образовательного пространства. Болонская декларация, преследовала цели создания в Европе единого пространства высшего профессионального образования ради улучшения мобильности студентов, расширения возможностей их трудоустройства, повышения конкурентоспособности европейского образования.

Следует отметить, что Сорбонская декларация (25 мая 1998г.) имеет общий характер. Так как она: Во-первых, не затрагивает вопросов о гармонизации содержания образовательных программ, учебных планов и методов обучения, то есть в определенной степени допускает многообразие национальных различий и необходимость уважительного отношения к ним; Во-вторых, в ней не упоминается схема «бакалавр-магистр-доктор»; В-третьих, в декларации нет пожеланий относительно присвоения степеней по окончании первого цикла, имеющих международное признание.

Болонская декларация (19 июня 1999г.) представляет собой (документ более высокой категории, более высокого класса) документ европейского значения, учитывающий те объективные условия, которые характерны для современной Европы. Безусловно, в процессе унификации права важно учитывать национальные особенности

образовательной системы, уже сложившиеся за многие годы академическую культуру и традиции, юридические традиции. Тем более что согласно принципам Болонского процесса не требуется приведения систем образования европейских государств к абсолютной идентичности, а реализуемые мероприятия имеют среди других целей рост занятости европейских граждан; повышение качества образования; повышение привлекательности систем высшего образования Европы, то есть другими словами увеличение конкурентоспособности европейских университетов.¹

Не вдаваясь в негативные стороны Болонского процесса, я бы хотела обратить внимание на то нейтральное влияние Болонского процесса, которое было оказано на систему образования в России. В настоящее время в России уже реализована большая часть необходимых правовых предпосылок для дальнейшей интеграции в мировое образовательное пространство : 1. с 1993г. Российская Федерация становится страной-участницей Болонского процесса и в настоящее время входит в Европейское пространство высшего образования; 2. Также после принятия Россией Болонского процесса (Болонской декларации)появляется система многоуровневого высшего профессионального образования (бакалавриат-4года и магистратура-2года); принципы Болонского процесса становятся законодательно закреплены в ФЗ «О

---

¹ Иванова А.С. Болонский процесс: цели, сущность, тенденции, проблемы и пути их решения // Право Европейского Союза. 2010. №3. С. 34-37.

высшем и после вузовском профессиональном образовании»; 3. Постепенно расширяется нормативно-правовая база процедуры признания и установление эквивалентности иностранных документов об образовании в России; за Россией закреплена возможность выдавать выпускникам российских вузов Европейское приложение к диплому; российские вузы могут участвовать в реализации совместных образовательных программ, в том числе с ведущими мировыми университетами. То есть все те новшества, которыми сейчас пользуются ведущие вузы России, берут свое начало в Болонском процессе.¹

Сейчас Европа и Россия пытаются добиться, более усовершенствованной интеграции в сфере высшего образования. Это означает двусторонний процесс взаимного учета интересов, причем Россия не только адаптирует свои внутренние системы в соответствии с болонскими стандартами, но также переведет свои национальные традиции на язык совместного общения и станет равным партнером на европейском пространстве высшего образования.²

---

¹ Бутенко О.С. Болонский процесс и правовое регулирование высшего образования. М., 2008. С. 24-26.

² Медведев С. Болонский процесс и его значение для России // Международное право. 2005. № 3. С. 17.

Общегосударственные кодификации Норвегии и Швеции: сравнительно правовой анализ

Актуальность темы заключается, прежде всего, в том, что история скандинавского народа как одного из ближайших народов-соседей Руси и современной России вызывает значительный интерес у историков в настоящее время. Интерес обусловлен многими факторами, например, самобытностью скандинавского права. Северная окраина Европы в меньшей степени подвергалась рецепциям римского права, по сравнению с той же Францией или Германией.

На данный момент законодательство стран Северной Европы является кодифицированным, однако, в раннем средневековье оно представляло собой довольно разрозненную систему права разных государств.

Целью работы является изучение постепенных изменений в средневековом законодательстве Скандинавии на примере двух правовых источников – норвежском Ландслове и шведском Ландслаге.

Следует отметить, что данные законодательные акты имеют много общего в своей структуре, содержании и характере норм. Это объясняется тесным взаимодействием стран в области политики, схожести социального и государственного строя.

Для начала рассмотрим краткую характеристику Ландслова. Он является одним из наиболее ранних значимых

кодифицированных скандинавских источников права, изданного по указу короля Магнуса VI Лагабётера (Исправителя законов). По своей сути Ландслов представляет собой первое государственное уложение для объединенной Норвегии. Уложение было принято в 1274 г. и ратифицировано на народных собраниях – тингах.

До принятия уложения в Норвегии существовали лишь местные законы различных областей страны, такие как, например, Законы Фростатинга, Гулатинга и ряда других. Они представляли собой разрозненную систему права и довольно часто противоречили друг другу. Однако, даже с принятием Ландслова разобщенность не была устранена. Каждая область Норвегии приняла свой собственный вариант уложения, приспособленный к местным традициям и обычаям. Поэтому на деле «Ландслов» существовал в 4 различных интерпретациях согласно количеству областей.

Примечательно, что норвежские средневековые граждане не видели в короле ореол создателя права, также как и сам монарх не позиционировал себя в качестве творца. Король мог лишь исправлять действующие законы, видоизменять нормы и в тоже время пытаться не противоречить устоявшимся традициям. Отсюда и все преобразования в законе назывались «улучшения права»,

«дополнения к праву».¹ Так, например, короля Магнуса VI в народе именовали Исправителем Законов.

Касательно структуры и содержания уложения. Ландслов состоял из девяти разделов, включавших в себя уголовное, гражданское и церковное право.

С его принятием полностью было покончено с варварским обычаем предыдущей эпохи, таким как кровная месть. Преследование правонарушителей, теперь, становилось исключительной прерогативой королевских служащих.

Стоит сказать, что как в норвежских, так и в шведских кодексах прослеживается тенденция к тому, что любое противоправное деяние, будь то уголовное преступление, в первую очередь направлено не против личности и гражданина, а против государства и короля.

Рассмотрим, правовой памятник средневековой Швеции – Ландслаг короля Магнуса II Эрикссона. Так же как и «Ландслов» это был первый свод законов, действовавший на территории всей Швеции. До принятия Ландслага в Швеции действовала аналогичная Норвегии система местных законов – «областные» законы, самый древнейший из них – Вестгёталаг,² запись которого осуществлялась в 20-е гг. XIII в.

---

¹ Закс В.А. Особенности формирования норвежского средневекового права // Право в средневековом мире: Сб. статей. Вып. 2-3. СПб., 2001. С. 206.

² Вестгёталаг. Старшая редакция / Пер. со старошвед. и пред. А.В. Фоменковой // Из ранней истории шведского народа и государства. М., 1999. С.175.

Однако в отличие от Норвегии, в которой наибольшей самостоятельностью в правотворчестве обладали лишь 4 области, в Швеции дробление было немного больше, следовательно, и унификация права происходила дольше. И лишь, к 1347 г. путем постепенного улучшения и обновления законов областей был принят единый для всей страны свод – Ландслаг.

Ландслаг состоял из 14 разделов, которые регулировали вопросы, прав и обязанностей короля, семейное право, имущественные отношения, судопроизводство, а также уголовное право. В первом разделе закона «о праве короля» в титулах фиксируются основные полномочия, права и обязанности конунга:

«Во всей Швеции должна властвовать лишь одна королевская корона и лишь один король. Он должен править и царствовать в стране, в ... коронных поместьях и должен получать все королевские доходы, королевские штрафы, штрафы за нераскрытые убийства, выморочное наследство и причитающуюся ему по закону и обычаю часть всех [остальных] судебных штрафов во всей Швеции».³

Примечателен тот факт, что в целом статьи «Ландслага» были составлены в интересах привилегированных сословий Швеции – дворянства, зажиточных бондов и знати. Этим обуславливается тот факт, что скандинавские короли являлись выборными монархами, а не получали свою власть по наследству, как это было

---

³ Ландслаг // Электронная версия с сайта: <http://ulfdalir.narod.ru/sources/Iceland-Scandinavia/Landslag.htm>.

распространено в странах
Континентальной Европы.

На протяжении всего средневековья немаловажным остается сакральный характер королевской власти. Древнескандинавские короли вели свое происхождение от языческих богов. Следовательно, королевская власть имела сакральное значение еще задолго до принятия христианства. В статьях Ландслага упоминается, что при вступлении на должность король обязуется произнести клятву, состоящую из множества пунктов.

Согласно Ландлагу, король обязался защищать и любить свое отечество, сохранять порядок и мир в стране и быть главным военачальником в военное время.

Для подтверждения своей власти король обязан был совершать личные визиты на областные тинги, так называемый процесс эриксгаты¹ – объезд королем подвластных ему территорий. Конечно, со временем королевская власть становилась наследственной, и король все реже собирал подобные поездки.

Немаловажен также тот факт, что до принятия Ландслага в Швеции не было упорядоченной налоговой системы, существовали лишь местные налоговые сборы, выражавшиеся в виде натуральных продуктов, а также иногда и в денежной форме. Статьи сборника, в свою очередь регулируют эти вопросы, обобщают их и конкретизируют размеры взимаемых налогов и пошлин.

---

¹ Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции. XIII–XV вв. М., 1980. С. 128.

В Ландслагe также фиксируется внутренняя структура государства, представленная в виде институтов власти. Одним из таких политических институтов являлся Риксрод. Риксрод представлял собой административный аппарат чиновников - доверенных лиц короля. Началу складывания подобного института было заложено еще с древних времен, когда по всем самым важным вопросам король предпочитал советоваться со своими приближенными.

В Ландслагe пошагово прописывается система выборов в Риксрод. Королю было необходимо назначать к себе в совет светских феодалов и влиятельных духовных лиц: «архиепископа и епископов из числа жителей его государства, ... а также других клириков, которые ему покажутся полезными».²⁵

Со временем, чиновничий аппарат начал укореняться и это привело к тому, что должность члена-участника Риксрода становилось наследственной, и передавалась из поколения в поколение.

На протяжении долгого периода Риксрод являлся временным органом, созыв которого осуществлялся только в необходимом для короля время. Однако со временем, круг его полномочий и обязанностей расширился, и он становился постоянно действующим органом.

Одобрениями и советами Риксрода король обычно пользовался при назначении на должность члена совета, а также при ведении внешней политики (заключение международных договоров,

---

² Ландслаг // Электронная версия с сайта: <http://ulfdalir.narod.ru/sources/Iceland-Scandinavia/Landslag.htm>.

объявление войны или мира), раздаче ленов – земельных участков и т.д. Следует отметить, что с принятием «Ландслова» и «Ландслага» было покончено с правовой разрозненностью областей Норвегии и Швеции. Несмотря на то, что уложение Магнуса II просуществовало лишь до 1687 г. оно способствовало дальнейшему укреплению королевской власти и авторитета. Нормы «Ландслова» и его дополнения так же фиксировали систему контроля короля за своими подданными, который осуществлялся чиновниками всецело подчиненными центральной власти монарха.

Таким образом, проведя сравнительно-правовой анализ норвежского «Ландслова» и шведского

«Ландслага», мы приходим к выводу, что своды весьма схожи между собой, они имеют общегосударственный характер. С долей вероятности, можно также утверждать, что «Ландслов» был одним из источников правовой базы, которая в дальнейшем в письменном виде была зафиксирована Магнусом в «Ландслагге».

В силу всех феодальных архаизмов, которые фиксируются в описанных мною законодательных актах, стоит отметить, что их создание было важным шагом на пути к кодификации и гармонизации скандинавского законодательства и способствовало последующей политической централизации страны.

Прекращение брака по ГК Итальянского королевства 1865 года

Статья посвящена вопросу прекращения брака по ГК Итальянского королевства 1865 г.

Вначале я считаю необходимым обратиться к истории создания ГК. Гражданский кодекс был принят в Италии в 1865 г. в ходе унификации права, которая являлась следствием политического объединения страны. Именно в 60-х гг. XIX в. в результате мощного объединительного движения вместо отдельных королевств, герцогств, самоуправляющихся областей и городов было создано единое независимое итальянское государство. В ходе политической унификации законодатель столкнулся с необходимостью объединения и итальянского законодательства. На формирование основ правовой системы существенно повлияли законы, ранее действовавшие в отдельных итальянских государствах, которые в свою очередь нередко воспроизводили кодексы некогда захватившей их наполеоновской Франции. Вместе с тем, на новом общенациональном законодательстве, в особенности гражданском, сказалось и то, что в Италии на протяжении многих веков сохраняли свою силу и авторитет положения римского права, кодифицированные в VI в. в своде законов Юстиниана и развитые в трудах многочисленных школ итальянских юристов, известных во всей Европе. Итальянское уложение есть не что иное,

как современное развитие римского права.¹

В моем докладе особое внимание уделяется сфере семейных отношений, а именно определению оснований и способам прекращения брака. До принятия кодекса сфера семейных отношений регулировалась источниками права, имеющими разный взгляд на правовое регулирование данной сферы и содержащими отличные друг от друга нормы. К числу данных источников можно отнести законы, действовавшие в отдельных итальянских государствах, Французский кодекс и нормы городского, римского, канонического права. Именно поэтому в 1865 г. в ходе унификации права перед итальянским законодателем встала серьезная задача по разработке единого кодекса, регулирующего сферу семейных отношений.

Можно выделить следующие цели моей работы: определение оснований и способов прекращения брака, закрепленных в ГК, и изучение влияния, оказанного разными источниками права на содержание ГК.

Общим положениям о семье, о браке; возражениям против брака; недействительности брака;

---

¹ Зарудный С. Гражданское уложение Итальянского королевства и русские гражданские законы: Опыт сравнительного изучения системы законодательств. Ч. 1. СПб., 1869. С. 4.

доказательствам совершения брака; прекращению брака; личным и имущественным отношениям супругов; личным и имущественным отношениям родителей и детей посвящена книга первая Гражданского кодекса Итальянского королевства 1865 г.

Для начала необходимо дать определение браку, как одному из важнейших социальных институтов общества. Брак – это союз мужчины и женщины, имеющий своей целью совместную жизнь, основанный на взаимном соглашении и заключенный в установленной законом форме.¹ Брак является социально значимым союзом мужчины и женщины, определяет правовое положение детей, рожденных в этом союзе, имущественные отношения между супругами и их наследственные права.

Но бывают случаи, когда совместная жизнь приводит к необходимости прекращения брака. Итальянский законодатель предусмотрел подобную ситуацию. Гражданский кодекс 1865 г. закрепляет всего два способа прекращения брака, а именно – прекращение брака со смертью одного из супругов и личное разлучение супругов (прекращение совместного жительства) (ст. 148). Кодекс не только не допускает развода, но даже самой мысли о нем. Я считаю, что это можно объяснить сильным влиянием канонического права на законодательство и жизнь итальянского общества. Каноническое право в Католической

церкви — совокупность норм, изданных церковными властями и содержащихся в церковных канонах, то есть в правилах, относящихся к устройству церковных учреждений, взаимоотношениям церкви и государства, а также жизни членов Церкви. Регулирование брачно-семейных отношений было совершенно особой по значимости областью канонического права. Брак в каноническом праве понимался не только как соглашение между супругами, но и как главное таинство священного содержания. Именно это предполагало неотменимость брака, ведь в результате брачного сожительства создавался особого рода кровнородственный союз супругов, разорвать который было не во власти людей.

Но так как на законодателя оказывали влияние не только положения канонического права, но и рецепция римского права и положения Французского кодекса, то ГК закреплял возможность прекращения брака, но при наличии веских на то оснований. По ст. 149 право требовать разлучения принадлежит супругу только в случаях, законом установленных. Оба супруга имели право требовать раздельного проживания. Основаниями к этому могли служить: 1) прелюбодеяние одного из супругов (если муж содержит наложницу в своем доме), 2) причинение обид, нанесение сильных оскорблений, жестокость супруга, 3) уголовное наказание одного из супругов, 4) жена могла требовать раздельного проживания, если супруг не назначал места пребывания. Как мы видим, ГК закрепил довольно маленький список оснований,

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 409.

способствующих прекращению брака, и всячески усложнил эту процедуру. По ст. 158 раздельное проживание по простому согласию супругов не может иметь места, для этого необходимо утверждение судом. А супруг, по вине которого было объявлено раздельное проживание, несет сильные материальные и имущественные потери. Так, супруг, по вине коего объявлено раздельное проживание, теряет право на брачные выдачи, на все приобретенные имущества, уступленные ему по предбрачному договору другим супругом, и даже на законное право пользования (ст. 156). В случае, если раздельное проживание произошло по вине обоих супругов, то каждый из них утрачивает вышеизложенные права, с сохранением права на содержание в случае необходимости. Положения Гражданского кодекса направлены на сохранение семьи, поэтому состояние раздельного проживания может быть довольно легко прекращено. Супруги могут по общему согласию прекратить последствия решения о разлучении путем положительного объявления об этом или событием совместного жительства, при этом содействие судебной власти для прекращения разлучения не требуется (ст. 157). А по ст. 153 примирение уничтожает право просить разлучения, оно ведёт также к оставлению без последствий поданной об этом просьбы. Можно сказать, что эта статья устраняет возможность повторного прекращения совместного жительства супругов и способствует сохранению семьи.

Многие положения ГК схожи с положениями римского права. Например,

то, что брак по римскому праву прекращался только по правовым основаниям. Но существует и ряд отличий. Римское право допускало развод. Развод – прекращение законно существующего брака по указанным в законе причинам.¹ В классическую эпоху развод допускался с обоюдного согласия супругов (*divortium*) и по одностороннему заявлению супруга (*repudium*). Во времена Юстиниана развод по обоюдному согласию был запрещен, *repudium* допускался в строго установленных случаях. Процедура развода зависела от формы заключения брака, но в любом случае она выражала отказ одного из супругов от продолжения брака и претензию его на личную и имущественную самостоятельность. Расторжение брака сопровождалось выяснением причин развода (нарушение супругом верности, виновные действия, уважительные причины личного характера, неспособность к деторождению), виновная сторона при разводе несла имущественные санкции в виде потери своего добрачного имущества или штрафов. Можно заметить, что основания развода и его последствия для виновной стороны схожи с положениями ГК относительно раздельного проживания супругов.

Первоначальным источником ГК признано римское право, так как сущность всех постановлений истекает из его положений. Но также значительное влияние было оказано и каноническим правом, так как с принятием христианства сфера брачно-семейных отношений попала

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 421.

в основном под влияние церкви и регулировалась с точки зрения нравственности, именно поэтому был запрещен развод.

Введение в 1865 г. Гражданского кодекса содействовало прогрессивному

процессу унификации права на территории страны. При составлении ГК нормы римского права были пересмотрены итальянским законодателем и согласованы с положениями канонического и действующего городского права.

Отражение традиций римского права в унифицированном законодательстве Франции на примере института собственности по ГК Наполеона

В ходе Великой буржуазной революции (1789-1794 гг.) законодательство Франции подверглось коренным реформам. Отраженные в праве институты и принципы феодализма права тормозили зародившиеся и успешно развивавшиеся в обществе капиталистические отношения. Необходимость развития данных отношений и стала причиной обращения создателей нового Гражданского кодекса Франции к традициям классического римского гражданского права.

По мнению авторов кодекса Тронше, Порталиса, Биго и Малевия, римское право стало первым по важности источником доктрины и собственно текстов ФГК.¹

Сам Кодекс построен по институционной системе, восходящей к «Институциям» Гая и Юстиниана, данная система была классической для распространенной во Франции школы реципированного римского права. ФГК, подобно Институциям Гая и Юстиниана, был разделен на три книги: «О лицах», «Об имуществах» и «О различных способах, которыми приобретают собственность».

Однако помимо понятий и юридической терминологии французское гражданское право использовало также и материально-правовые нормы римского права.

Итак, каким же образом римское право повлияло на институты гражданского права во Франции? Проследим это на примере института собственности в ФГК.

Классификация вещей.

Классификация вещей в ГК Франции была заимствована из римского права: вещи стали делиться на *движимые* и *недвижимые*. Так же, как и созданное в классическую эпоху истории Древнего Рима,² деление вещей в ГК Наполеона базируется на возможности их перемещения без их повреждения или ухудшения. Соответственно, по ст. 518-520 ГК Наполеона³ недвижимыми вещами по своему назначению признаются земля, здания и растения на корню. Однако во Французском гражданском кодексе (ст. 524) появляется новое положение: недвижимостью теперь признаются вещи не только по их природе, но и в силу их назначения, то есть предметы,

---

² См.: Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право. М., 2009. С. 128.

³ Французский гражданский кодекс 1804 г. / Пер. с фр. И.С. Перетерского. М., 1996. С. 148.

---

¹ Бердникова С.А. Гражданский кодекс Франции 1804 г. М., 2002. С. 8.

помещенные собственником на его участок его для обслуживания и эксплуатации (животные, обрабатывающие землю, сельскохозяйственные орудия и т.п.). Недвижимыми вещами по объекту, к которому они применяются, признаются правомочия в отношении чужих вещей (узуфрукты, сервитуты, некоторые виды исков), если их объект – недвижимое имущество (ст. 526).

Универсальный характер собственности. Статья 544 ФГК дает следующее определение собственности: «Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом, с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами». Таким образом, собственность определяется в кодексе как максимально полное право пользоваться и распоряжаться вещью. Имеется лишь одна оговорка о том, что вещь не должна быть использована с нарушением закона. В отношении римского права историк Черниловский считает одним из главных постулатов права собственности в Древнем Риме именно «абсолютное господство собственника, предполагающее исключение ограничений, кроме тех, которые установлены законом».¹

Что же касается правомочий собственника, то в ФГК они были следующими:²

☞ **Право пользования вещью** (*jus utendi*), то есть право использовать

вещь по ее назначению, извлекая из нее полезные свойства;

☞ **Право пользования плодами вещи** (*jus fruendi*), то есть собственник имел право на доход, который сможет принести вещь;

☞ **Право уничтожения вещи** (*jus abutendi*), которое включает в себя право распоряжения вещью по своему усмотрению (продать, подарить), а также право употреблять вещь или уничтожить ее.

Данные компоненты права собственности практически полностью копируют правомочия собственника в классическом римском праве: право владения (*jus possidendi*), право пользования (*jus utendi*) и право распоряжения (*jus abutendi*).³ Что же касается права пользования плодами вещи (*jus fruendi*), то в римском праве оно со временем было поглощено правом пользования (*jus utendi*). Таким образом, следует заметить, что за исключением незначительных расхождений, французская гражданско-правовая доктрина полностью переняла основы института собственности римского права.

Абсолютный характер собственности. Право собственности как часть вещного права является абсолютным правом, что подразумевает, что правомочиям одного соответствует обязанность окружающих воздерживаться от нарушения данного права.

Абсолютный характер права собственности выражается в **праве следования** и **праве преимущества**. **Право**

¹ Черниловский З.М. Римское частное право: элементарный курс. М., 1997. С. 108.

² Максимов А.А. Кодекс Наполеона: Текст лекции. Иваново, 1994. С. 13.

³ См.: Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1986. С. 36.

следования означает, что право следует за вещью. Если кто-то, например наниматель, обладал правом в отношении чужой собственности, то его право сохранится даже несмотря на то, что у вещи может поменяться собственник. *Право преимуществва* означает, что носитель права собственности осуществляет его преимущественно перед носителем обязательственных прав, то есть, при одновременном предъявлении требований к вещи, преимущество будет отдано лицу, имеющему вещные права, в отличие от обязательственных.

В данном случае следует отметить, что произошло полное заимствование принципов римского права, так как право следования и право преимущества входят в классическую концепцию вещного права Древнего Рима.¹

Способы приобретения права собственности.

Французский гражданский кодекс детально регламентирует способы приобретения права собственности. Даже само деление способов приобретения имущества заимствовано из римского права: предусматривались *первоначальные* и *производные* способы приобретения права собственности. В основу положен тот критерий, который использовался римлянами, то есть нечто вроде правила, что при производном приобретении «никто не может передать другому больше прав, чем имел бы сам», а при первоначальном приобретении право приобретателя не зависит от прав предыдущего собственника.

¹ См.: Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. Л., 1975. С. 67.

По ГК Наполеона, к *первоначальным способам* относятся такие способы, при которых право собственности возникает у лица либо впервые на вещь, которая до этого не находилась ни в чьей собственности, либо данное право возникает самостоятельно, независимо от прав предыдущего собственника. Итак, первоначальные способы приобретения собственности: *приобретательская давность; приобретение плодов и извлечение доходов; присвоение бесхозных вещей, приращение и переработка (спецификация).*²

Имущество может стать собственностью по истечении *приобретательской давности*. Но здесь ГК Наполеона в ст. 2229 ставит обязательные условия владения. А именно, владение должно быть постоянным, непрерывным, мирным, открытым, также оно не должно возбуждать сомнений и осуществляться лицом в качестве собственника. Тут можно уследить прямую параллель с условиями приобретательской давности в праве Юстиниана. Например в Дигестах (D.41.3.3) есть указание, что «*usucapio* есть приобретение (права собственности) через непрерывное владение в течение установленного законом срока». ³ Также есть указания, что приобретательская давность должна иметь мирный и открытый характер.

Что касается сроков приобретательской давности на

² Максимов А.А. Кодекс Наполеона. С. 18.

³ Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. С. 101.

недвижимое имущество, то Французский гражданский кодекс унаследовал классическую систему сроков из права Юстиниана. А именно, если действительный собственник проживает в том же округе, где расположена недвижимость, то срок приобретательской давности устанавливался в десять лет (ст. 2265, ч.1); если же действительный собственник проживает вне этого округа – двадцать лет (ст. 2265, ч.2). В соответствии с особым указом Юстиниана от 531 г. *de usucapione transformanda* (Cod. 7. 31), в Риме устанавливались точно такие же сроки. Кроме того, ФГК вводил в ст. 2262 чрезвычайную давность в тридцать лет, по аналогии с *longissimi temporis praescriptio* Юстиниана (С. 7. 39).

Кроме того, ФГК предусматривает такой способ приобретения права собственности как *приобретение плодов или извлечение доходов*, которые производит вещь. Например, собственник скота получает в собственность приплод (ст. 547). Данный принцип также был заимствован из римского права (D.22.1.25.1).

Рассматривая такой первоначальный способ приобретения имущества как *присвоение бесхозных вещей*, нужно учитывать тот факт, что по ст. 713 ФГК, бесхозные вещи, т.е. имущества, которые не имеют хозяина, принадлежат государству. Но Кодекс предусматривает случаи, когда бесхозное имущество может переходить в собственность частных лиц: например, присвоение диких животных, рыбы (ст. 714-717). Данный способ приобретения права собственности также был

заимствован из римского права. Он нашел отражение в Институциях Гая (ИГ 2.66-69)¹ и в Дигестах Юстиниана (D.41.1.3-5). Однако следует заметить, что положение относительно принадлежности бесхозных вещей государству – это нововведение ФГК.

Следующий вид первоначального способа приобретения имущества – это *приращение*. Он закреплен в статьях 552 и 556 и также базируется на классических принципах римского права. А именно, в случае незаметного наноса земли рекой, происходит приращение участка в пользу собственника и никто не может потребовать землю обратно (ИГ. 2.70-2.72). В случае же присоединения двух вещей, принадлежащих разным хозяевам, друг к другу, возникающие правоотношения базируются на принципах справедливого возмещения прежнему хозяину присоединенной вещи ее стоимости собственником главной вещи. Данные принципы также происходят из римского права (ИГ. 2.73-78; D. 41. 1. 7 – 9).

Что же касается такого способа приобретения имущества как *спецификация* (т.е. сознание новой вещи из чужих материалов), то здесь следует отметить значительные расхождения с римским правом. Так как в данном случае вещь будет принадлежать тому, вклад которого (труд или материал) признается наиболее ценным. В римском же праве (праве Юстиниана) собственником почти всегда является спецификатор (D. 41.1.27).

---

¹ Гай. Институции / Пер. с латинского Ф. Дыдынского; под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М., 1997.

Производными способами

приобретения имущества по ГК Наполеона являются договор, односторонняя сделка (например, завещание), дарение, наследование. Несмотря на тот факт, что они отличаются от производных способов в римском праве (*mancipatio*, *in iure cessio* и *traditio*), они по сути дела основывались на тех же принципах, что и в Риме. Например, главным из них выступает критерий доброй воли при совершении передачи прав собственности. Однако следует отметить, что римские производные способы приобретения имеют ряд специфических черт, присущих им в силу исторической эпохи.

Таким образом, следует заметить, что Гражданский кодекс Наполеона, основываясь на догме римского права, полностью изменил понимание института собственности. Являясь основой буржуазных отношений, данный институт обеспечил несокрушимость позиций буржуазии и воплотил в себя революционные требования французов.

Реципированное римское право повлияло на нормы гражданско-правового законодательства во Франции, обеспечив ее разработанной системой понятий и принципов, кроме того, из него были заимствованы материально-правовые нормы.

Следует отметить, что римское право, созданное чуть менее, чем за две тысячи лет до разработки ФГК оказалось именно той совокупностью норм, которая выражала интересы французов и которая стимулировала развитие прогрессивных буржуазных отношений в стране. Это лишний раз свидетельствует о

совершенстве и универсальности системы римского права.

Ответственность за неисполнение внедоговорных обязательств по ГК Италии 1865 г.

Основы гражданского права современной Италии были заложены в шестидесятые годы XIX в., когда в результате движения Рисорджименто вместо отдельных королевств, герцогств, самоуправляемых областей и городов образовалось единое независимое Итальянское королевство. До этого, несмотря на стремление вице-президента Итальянской республики Мельци создать собственное итальянское гражданское законодательство, на территории страны действовал французский кодекс 1804 г. После завершения объединения декретами от 24 декабря 1859 г. и 25 февраля 1860 г. была образована комиссия для редакции гражданского кодекса. С 1860 по 1863 гг. в сенат вносились несколько проектов текста свода законов, однако ни один из них не был принят. В 1863 г. за разработку законодательства взялся депутат, юрист Пизанелли. При содействии созданных им в Неаполе, Турине, Палермо, Милане и Флоренции комиссий вскоре в сенат был представлен новый проект будущего кодекса, который подвергся переработке и был утвержден 25 июня 1865 г.

Структура кодекса представляла собой три книги: о лицах; об имуществвах, праве собственности и его видах; о способах приобретения и передачи собственности и других прав на вещи. Каждая книга включает в себя определенное количество тематических разделов, некоторые из которых представлены главами и отделениями.

Первая книга состоит из двенадцати разделов, вторая - из пяти разделов, третья является наиболее обширной в данном кодексе и разработана в двадцати восьми разделах. Внедоговорные обязательства, составляющие предмет доклада, представлены в третьем отделении первой главы четвертого раздела последней книги. В отличие от договорных отношений, подробно освещенных в кодексе, правовому регулированию внедоговорных обязательств посвящено всего шесть статей (ст. 1151-1156).

В труде «История кодификации гражданского права» С.В. Пахман выделяет следующие источники Гражданского Уложения 1865 г.: римское право, Сардинское Уложение (1837 г.), Австрийское Уложение (1811г.) и Французский гражданский кодекс (1804 г.).³⁶ Среди них особое значение имеет римское право, ставшее основой принципов и норм вступившего в силу законодательства. Данное обстоятельство обусловлено рядом исторических причин. Во-первых, римское право в Италии имело территориальный характер и после падения византийского владычества продолжало применяться среди населения. Во-вторых, законодательство Юстиниана, проникнутое монархическими тенденциями, находило много оправданий для стремления государей усилить

---

³⁶ Пахман С.В. История кодификации гражданского права в 2 т.. СПб., 1876. Т.1. С. 70-71.

верховную власть. Кроме того, церковь также покровительствовала римскому праву, как продукту высокой духовной культуры, а при широкой судебной компетенции, она могла проводить «свои (римские) юридические воззрения в светском миру».³⁷ Успеху римского права не менее способствовало изменение экономических отношений, требовавшее регулирования со стороны более совершенного права, чем национальное - активизация хозяйственной жизни в аграрной области способствовала увеличению вкладов в промышленное производство, которое все больше модернизировалось.³⁸ Однако в вопросе правового регулирования внедоговорных отношений Гражданский кодекс Италии существенно отходит от римского права и фактически копирует нормы более совершенного кодекса Наполеона.

Итальянский Гражданский кодекс не предусматривает критериев разграничения понятий проступка и полу-проступка, являющихся источниками внедоговорных отношений, и не выделяет отдельные виды деликтов, а дает общее представление о принципе ответственности, следующей из причинения вреда. Подобный подход к регулированию деликтных отношений полностью заимствован из французского законодательства, одним из первых заменившего классическое деление внедоговорных обязательств в зависимости от их происхождения, общим

---

³⁷ Муромцев С. Рецепция римского права на Западе. М., 1886. С. 12-25.

³⁸ Рутенбург В.И. Истоки Рисорджименто. Италия в XVII-XVIII в. Л., 1980. С. 116-117.

принципом ответственности. Принцип ответственности или возмещения вреда, причиненного лицу умышленно либо по неосторожности, закреплен в ст.1151-1152. Возмещение вреда осуществляется лицом как в случае личной вины, так и в случае вины лиц, находящихся под его ответственностью. Таким образом, родители несут ответственность за ущерб, причиненный их малолетними детьми, опекуны – за вред, нанесенный лицами, состоящими под их опекой. Следует отметить, что ответственность не имеет места, если будет доказано, что лицо не могло препятствовать совершению преступления или правонарушения его подопечным (ст.1153). Лицо также несет ответственность за ущерб, причиненный предметами, находящимися в его распоряжении. Так хозяин всегда ответственен за вред, нанесенный его животным, независимо находилось ли оно под его присмотром в этот момент или нет. А собственник здания ответственен за вред, причиненный разрушением этого здания (ст.1154, 1155). Кодекс устанавливает особый вид ответственности - солидарную ответственность, наступающую в случае совершения проступка несколькими лицами (ст.1156).

Обязательства из правонарушений были исторически древнейшим видом обязательств. Изначально они преследовали двоякую цель: с одной стороны, возмещение причиненного вреда, а с другой стороны - некоторое имущественное наказание правонарушителя. Дальнейшая историческая эволюция этих обязательств заключается в том, что постепенно

отпадает их карательная функция (переходя в руки уголовного права), и для гражданского права остается только задача первого рода – организация возмещения причиненного вреда. «Гражданское право имеет своей задачей устранить вредные последствия, причиненные правонарушением, и для него важно только одно – установить, есть ли налицо то, что называется правонарушением и что дает основание возложить ответственность на виновника».³⁹ Поэтому выделение отдельных видов деликтов, применяемое в римском праве, постепенно заменяется установлением единого общего принципа ответственности, согласно которому лицо, виновное в причинении вреда, должно его возместить. Правовая наука континентальной Европы XVII-XVIII была направлена на установление этого принципа, знаменующего уход от казуистичности. Своим появлением принцип ответственности обязан великим представителям естественного права, в особенности Г. Гроцию и Ж.Дома. Г. Гроций выделял три вида источников «того, что нам причитается по праву», а именно: соглашение, правонарушение, закон. Под правонарушением он понимал «всякую вину, состоящую как в действии, так и в воздержании от действия, противно тому, как люди должны поступать вообще, или же сообразно определенному качеству. В силу такой вины возникает естественное

---

³⁹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003. С. 275-276.

обязательство при наличии ущерба, а именно обязательство возместить его».⁴⁰

Важным критерием установления ответственности является вина. Деяние или бездействие должно быть, прежде всего, виновным, независимо от того нанесен ущерб лицом непосредственно или субъектами и предметами, находящимися под его ответственностью. Следует отметить, что ответственность возникает как из умышленного причинения вреда, так и из причинения вреда по неосторожности. Основания для возмещения вреда появляются, «когда ущерб причинен другому лицу в результате нарушения ответчиком обязанности соблюдать необходимые меры предосторожности, когда он создает источник различных видов повышения опасности, один из которых становится причиной причинения ущерба», независимо происходит это по его воле или неумышленно.⁴¹ Принцип вины впервые появился еще в римском праве и впоследствии был отражен в различных европейских законодательствах. Римское право предусматривало разграничение вины на два вида: умысел, когда должник предвидит последствия своего действия или бездействия и желает этих последствий, и небрежность, когда он не предвидел, но должен был предвидеть эти последствия.⁴² Эта классификация легла в

---

⁴⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги. М., 1995. С. 419.

⁴¹ Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное правоведение. М., 2011. С.688-689.

⁴² Римское частное право / Под ред. И.Б.Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2010. С.399.

основу деления обязательств на деликтные и квазиделиктные, урегулированные в кодексе общими статьями, но различающиеся в судебной практике.

Можно сделать вывод, что законодатель, который оставляет за собой только право формулировать руководящие принципы, передает решение конкретных задач в руки судебной практики, например, разработку норм и критериев, которые определяют формы и содержание деликтных исков. Кодекс не предусматривает понятие вреда, поэтому вопрос о том, включает ли он в себя только личный вред и имущественный ущерб или еще моральный вред и простые экономические убытки, подлежащие возмещению, остается открытым. «Считается общепризнанным, что подлежащий возмещению ущерб должен заключаться в нарушении «юридически защищенного интереса», что этот ущерб должен быть «достоверно установленным», а не просто «гипотетическим» или «предполагаемым», «возможным» и, наконец, что он должен представлять собой «прямое и непосредственное следствие действий ответчика».⁴³ Таким образом, право регулирования деликтных обязательств фактически переходит суду, который, опираясь на эти максимы, может удовлетворять деликтные иски о возмещении ущерба и отклонять их по своему усмотрению, если сочтет это правильным.

---

⁴³ Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное правоведение. С.633-634.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Т. А. Алексеева

Юридические особенности испанских конституций

Конституционное развитие Испании началось в XIX в. в эпоху Наполеоновских войн. В 1808 г. император французов, войска которого находились на Пиренейском полуострове, навязал «представителям» испанского общества, послушно прибывшим во французский город Байона, первую в истории страны конституцию. В отличие от некоторых других европейских народов, большинство испанцев отвергло «дар» и поднялось на борьбу с оккупантами. В ходе национально-освободительной войны в Кадите были созваны учредительные кортесы,¹ принявшие в 1812 г. первую национальную конституцию страны, вошедшую в историю под названием Кадисской. Конечно, французская правовая культура оказала большое влияние на испанский конституционализм, включая и его законодательное оформление. Это выразилось, прежде всего, в избрании испанцами писаной формы конституции и признании ее основным законом государства.

Конституция воспринималась в Испании как учредительный акт, устанавливающий новый правовой и

политический порядок. Каждый из основных законов (1808 г., 1812 г., 1834 г., 1837 г., 1845 г., 1869 г., 1876 г., 1931 г., основные законы Франко 1938-1967 гг., 1978 г.) стал юридической границей между старым и новым. Все они содержали программы преобразований различных сторон общественной жизни.

В XIX в. авторы конституционных проектов осознавала неготовность значительной части общества к принятию конституции.

Поэтому стало традицией сопровождать проект предварительной запиской, в которой ее авторы могли подробнейшим образом обосновать некий миф о созданном документе, что находило отражение и в самом тексте основного закона. Так, Кадисская конституция представлялась ее создателями записью средневековой исторической конституции, королевский статут 1834 г. – актом о созыве кортесов, Конституция 1837 г. – исправленной Конституцией 1812 г.

Основные законы принимались в Испании различными способами. Главным образом эта миссия реализовывалась учредительными собраниями (в 1808 г., 1812 г., 1837 г., 1869 г., 1931 г.). Конституция 1845 г. была принята обычными кортесами, поэтому,

---

¹ Кортесы — традиционное название парламента. Первые кортесы были созваны на Пиренейском полуострове в конце XII в.

маскируя ее «незаконнорожденное» происхождение, ее объявили «улучшенным» вариантом акта 1837 г. При этом пояснили, что для внесения изменений в текст последней не требуется созывать генеральные и чрезвычайные кортесы, поскольку учредитель не предусмотрел для этого особой процедуры.¹

Серьезное отношение к форме принятия основного закона неслучайно. В Испании всегда считали, что конституция — акт реализации суверенитета народа (в испанской терминологии -- нации) или народа и монарха, поэтому она и должна приниматься с участием представителей нации. Например, в преамбуле Конституции 1869 г, заявлялось, что она принята «испанской нацией, а от ее имени---учредительными кортесами». Основной закон 1931 г. объявлялся президентом учредительных кортесов от имени последних со ссылкой на «использование суверенитета, который им предоставлен».

Лишь королевский статут 1834 г. был октроирован монархом, а точнее, регентшей, королевой-правительницей, однако он формально и не претендовал на официальное название «конституция». Диктатор Франко также даровал испанцам законы, впоследствии провозглашенные «основными». Однако, изменяя для Запада образ власти, каудильо утвердил Закон «О преемстве при замещении поста главы государства» в 1947 г. и Органический закон

государства в 1967 г. лишь после предварительного одобрения их испанцами на референдумах соответственно в 1947 г. и 1966 г. Действующая Конституция Испании была одобрена учредительными кортесами 31 октября 1978г., а затем получила окончательное утверждение на референдуме 6 декабря того же года: за конституцию проголосовали 75% испанцев (58,9% от общего числа обладавших правом участвовать и референдуме), против – около 3%, 22% воздержались.²

Все испанские конституции стали результатом компромисса между влиятельными политическими силами и партиями (либералами и сервилес (раболепными) в 1812 г., умеренными и прогрессистами в 1837 г. и т.д.), отражали их различные позиции. С учетом этой исторической традиции представляется показательным состав конституционной комиссии, сформированной конгрессом депутатов 25 июля 1977 г. В ее состав вошли 36 депутатов: 17 из них представляли Союз демократического центра, 13 – Испанскую социалистическую рабочую партию, по 2 – Коммунистическую партию и Народный альянс, по 1 – баскскую и каталонскую региональные группы.³ В результате разработанный конституционный проект явился результатом сотрудничества всех партий и сил, заинтересованных в демократическом развитии страны.

---

¹ Tomas Villarroya J. Breve historia del constitucionalismo español. Madrid, 1997. P. 77.

---

² Испания: Конституция и законодательные акты / Под ред. Н. Н. Разумовича. М., 1982. С. 13.

³ Там же.

Конституции выполняли в Испании и функцию легализации власти, прямо закрепляя в тексте имя главы государства (1808 г., 1812 г., 1834 г., 1876 г., закон 1947 г.). Так, посредством Байонского акта, Наполеон Бонапарт узаконил на испанском престоле своего брата Жозефа (преамбула). Отразив протест испанского общества, в Кадисе прямо назвали имя «любимого и желанного короля» Фердинанда VII (ст. 179). В переходных положениях Конституции 1869 г. содержалось указание на необходимость принятия закона о выборах короля (ст. 1). В Основном законе 1876 г. закреплялось, что «законным королем является Альфонс XII Бурбон (ст. 59).

26 июля 1947 г. диктатором Франко был издан закон «О преемстве при замещении поста главы государства», ставший пятым «основным» законом. В нем предусматривалось два этапа в данном процессе: первый – экстраординарное замещение должности при установленной монархической форме правления, второй – обычное занятие престола, королями.¹ Кроме того, закон зафиксировал право диктатора назначить своего преемника.

Все конституции XIX в. соответствовали либеральной модели, их содержание сводилось к нормам, регулирующим организацию государственной власти и правовое положение личности. Эти акты и рассматривались прежде всего как

статуты для управляющих. Они были подлинно политическими конституциями, две из них так и назывались официально (1812 г. и 1837 г.)

Конституция 1931 г. и основные законы франкистской Испании, в целом отвечая этому образцу, отразили новые тенденции, свойственные второму этапу европейского конституционного развития: они включили в предмет регулирования экономические и социальные отношения, расширило! конституционно устанавливаемые пределы вмешательства государства, признали его роль в экономической и социальной сферах, придали конституционный статус политическим партиям и профсоюзам, признали социально-экономические права и свободы человека, определили принципы внешней политики⁶.² Конституция 1978 г. представляет «вторую волну» основных законов в Европе и была принята в третий период конституционного развития.

Все испанские конституции, кроме Королевского статута 1834 г. и основных законов 1938–1967 гг., являлись политическими кодексами (так их и принято называть — *codigos* наряду с *constituciones*), т. е. систематизированными законами. Королевский статут 1834 г. был объявлен как акт, учреждающий представительный двухпалатный орган — кортесы, однако по существу являлся неполной конституцией. Основные законы эпохи Франко в совокупности

---

¹ Fernandez Segano F. Las Constituciones Historicas Espanolas: Un analisis historico-juridico. Madrid, 1992. P. 714.

---

² Сравнительное конституционное право / Отв. ред. В. Е. Чиркни. М., 2002. С. 44, 46.

могут рассматриваться как неcodифицированная конституция, хотя, конечно же, с учетом политического режима, созданного каудильо.

В системе каждой конституции можно выделить догматическую и органическую части. Первая содержит принципы политического строя и основы правового положения личности, органическая – положения об организации власти. Термин «органический закон» имел в Испании два аспекта: относящийся к устройству власти и синоним конституционного закона. Первый очевиден во времена Франко, второй типичен для современности и связан с действующей Конституцией 1978 г. Кроме того, использован опыт первой французской конституции, испанцы организовывали содержание своих основных законов, следуя идее о формальном понимании государства как совокупности трех элементов: нации, территории, власти.

Данная система находила отражение в структуре конституций. В ранних основных законах декларация прав и свобод личности отсутствовала. Законодатель «растворял» некоторые из них в тексте, опасаясь обвинений в использовании революционного законодательного опыта соседней Франции. Под влиянием общих тенденций конституционного развития ситуация постепенно менялась. Впервые в 1869 г. декларация появилась в виде самостоятельного первого раздела («Об испанцах и их правах»), состоящего из 31 статьи. Конституция 1931 г.

содержала третий раздел «О правах и обязанностях испанцев», разделенный на две главы, объединяющие 36 статей. И ныне действующем Основном законе декларация прав и свобод личности представлена и первом разделе «Об основных правах и обязанностях», он насчитывает 29 статей, объединенных в три главы.

Традиционным стало наличие в структуре конституций преамбулы, деление основного текста на разделы, а тех, в свою очередь, на статьи. Следует отметить структурное своеобразие конституций 1837 г., 1845 г. и 1869 г. Неполнота первой привела к тому, что уже в первые месяцы действия она была фактически дополнена двумя обычными законами: актом 19 июля 1937 г., определившим отношения между палатами кортесов, и актом 7 сентября 1837 г. Последний восстановил действие пятого раздела конституции 1812 г. при условии, что они не отменены Конституцией 1837 г. Основной закон 1845 г. дополнялся королевским декретом 15 сентября 1856 г., который был отменен таким же, способом 14 октября 1856 г., и законом о конституционной реформе 17 июля 1857 г. Упомянутый же в переходных статьях Конституции 1869 г. закон о выборах короля должен был стать «неотъемлемой» ее частью.

Испанский законодатель, стремясь обеспечить верховенство конституции, прямо закреплял обязательное соответствие ей всех законов и подзаконных актов. В верности основному закону приносили присягу

глава государства и все должностные лица.

Особый статус основного закона призван был гарантировать механизм конституционного контроля. Впервые он был предусмотрен в 1931 г. Конституция, явно испытывая влияние государственно-правового опыта Австрии, учреждала суд конституционных гарантий. Он наделялся правом рассматривать жалобы на неконституционность законов и на допущенные нарушения конституционных прав, а также споры, возникающий между центральными и региональными органами власти. Кроме того, действуя как судебный орган общей юрисдикции, он должен был рассматривать дела о преступлениях, совершенных главой государства, членами правительства, председателем и судьями Верховного суда и прокурором республики (ст. 121).

Верховенство конституции сопровождалось всякий раз желанием авторов обеспечить ее стабильность. В 1812 г. кадисский законодатель предусмотрел возможность изменения своего творения не ранее чем через восемь лет (ст. 375) с соблюдением установленной им строгой процедуры. Следуя *этому* примеру, законодатели нередко предусматривали особый порядок внесения изменений и дополнений в конституционные тексты. Поэтому конституции 1812 г., 1869 г., 1931 г. и 1978 г., основные законы 1938-1967 гг. могут быть охарактеризованы как жесткие. Королевский статут 1834 г., конституции 1837 г., 1845 г., 1876 г. являлись гибкими.

Однако следует заметить, что срок действия основного закона ни в одном случае реально не был предопределен» правовыми нормами, он зависел от реальной социально-политической обстановки в стране. До настоящего времени самый длительный срок действия (47 лет) имела Конституция 1876 г., которая не содержала норм, юридически защищавших ее от каких бы то ни было модификаций, поспешных или тщательно продуманных,

Конечно же, испанским конституциям свойственны нормы – декларации. Однако в ряде случаев законодатель, опасаясь, что они не будут непосредственно реализованы, закреплял механизм, обеспечивающий их исполнение. Так, чрезвычайно детально регламентирована процедура проведения не прямых выборов в Конституции 1812 г., а в 1869 г. подробно зафиксированы правила ареста, за нарушения которых установлена ответственность должностных лиц.

Испанские конституции имели разный объем. Первая национальная Конституция 1812 г., состоявшая из 384 статей, удивляет чрезмерной детализацией правового регулирования отдельных процедур. В дальнейшем законодатель стал конституционно закреплять лишь базовые положения, предполагая их подробную регламентацию в текущем законодательстве,

К особенностям конституционной законодательной техники Испании относится и наличие значительного числа слов, которые пишутся с большой буквы. Среди них те, которые вызывают

особое трепетное отношение в силу своей значимости (например, Нация, Правосудие и другие), а также названия государственных органов и должностей, что подчеркивает важность и самостоятельность этих понятий.

Следует отметить последовательность испанских законодателей в использовании понятийного аппарата. Исторические термины (кортесы, их постоянная депутация, аюнтаменты, прокураторы и т. п.) отражали

национальный характер конституционного процесса в Испании.

В целом можно отметить, что юридические особенности испанских конституций отражают умелое сочетание их создателями иностранного опыта и национальных правовых и культурных традиций, умение воплощать идеалы и принципы в адекватных действительности юридических формах и законодательной технике.

Модели конституционной юстиции Э. Ж. Сийеса и их реализация в период Первой и Второй империй во Франции

Конституционный контроль – одно из самых демократических явлений в цивилизованном обществе. Несмотря на то, что его реализация, как правило, вызывает большие проблемы, все признают за ним прогрессивное, ключевое значение в механизме осуществления государственной власти. В связи с этим, кажется странным факт недостаточной изученности его истоков в российской правовой науке.

Возникновение необходимости конституционного контроля связывают с идеями аббата Э. Ж. Сийеса. Французский мыслитель известен тем, что был одним из разработчиков Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г. и большинства конституционных актов, принятых после революции, вплоть до 1799 г., а политические идеи, высказанные им, актуальны и на сегодняшний день. По его мнению, в основе «политического здания находится индивидуальная свобода, а организация государственной власти должна служить обеспечению прав граждан»¹. «Конституция же является носителем и хранителем этих целей и задач».² Главным для него было создать такую систему, которая бы исключала

авторитарный режим. Э. Ж. Сийес полагал, что предотвратить возможность усиления исполнительной власти, можно путем учреждения сильной законодательной власти. Но, проанализировав опыт существования Первой республики, пришел к выводу, что подобная угроза может исходить и от Парламента. Таким образом, Э. Ж. Сийес понимал, что нация должна быть защищена от произвола обеих властей: законы акты, принимаемые ими, должны соответствовать Основному закону – в этом и выражалась для него суть конституционного контроля.

Конституционное жюри. С предложением о введении нового учреждения он выступил на заседании конституционной комиссии 18 термидора III г. (5 августа 1795 г.). Реакция, вызванная им, описывается французским ученым Марселем Прело следующим образом: «Коллеги ожидали много от его знаний и настойчиво просили публично изложить свои взгляды. Однако обе речи, неясные, в известной мере загадочные, вызвали сильное разочарование среди членов Собрания»³. Неудивительно, что речь Э. Ж. Сийеса не оказала никакого влияния на проект Конституции 1795 г., вместе с тем, некоторые ее положения

¹ Bourdon J. La Constitution de l'an VIII. Editeur Rodez Carrère, 1941. P.39.

² Омельченко О.А. Аббат Сийес и начало французского конституционализма. // Ежегодник истории права и правоведения. Выпуск 6. Москва: МГИУ, 2006. С. 198.

³ Прело М. Конституционное право Франции. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 101.

имели значение для последующего конституционного развития Франции.

В 1795 г. Э. Ж. Сийес предложил создать Конституционное жюри,¹ орган предназначенный стать «хранителем» Конституции. По его замыслу, он должен был состоять из 108 членов, обновляемых на треть один раз год из числа 250 покидающих ежегодно членов советов законодательного корпуса (ст. 2 Проекта). Конституционное жюри наделялось правом аннулировать акты Совета старейшин, Совета пятисот, собраний выборщиков, первичных собраний и Кассационного суда (ст. 4). Жюри не могло самостоятельно поставить вопрос о конституционности того или иного акта, данной инициативой обладали Совет старейшин, Совет пятисот, отдельные граждане, а также меньшинство, голосовавшее против акта в одном из вышеперечисленных органов.

Кроме того, раз в десять лет Конституционное жюри могло вносить предложения об изменении Конституции (ст. 11). Э. Ж. Сийес также предлагал создать Жюри естественной справедливости, состоящее не менее чем из одной десятой всех членов Конституционного жюри. Оно должно было рассматривать официальные запросы, направляемые различными судебными

---

¹ На французском jury constitutionnaire. Необходимо отметить тот факт, что в современных словарях французского языка нет слова constitutionnaire, оно было придумано в дискуссии о регентстве Мирабо в марте 1791 г., под этим термином понимался любой человек, призванный для разработки Конституции // <http://www.chass.utoronto.ca/epc/langueXIX/jlf> (15 февраля 2006 г.).

инстанциями в случаях, если у них возникали сомнения в правильности подлежащего применению закона в конкретном деле (ст. 14).

Сенат в период Первой империи. В конституционном проекте 1799 г. Э. Ж. Сийес предложил учредить Коллегию хранителей, получившую в Конституции VIII² г. итоговое название Охранительный сенат. Главным полномочием этого органа было рассмотрение вопроса о конституционности актов, направляемых Трибуналом и Правительством (ст. 21), с одним ограничением, что акты, принимаемые законодательным корпусом, могли быть переданы на рассмотрение до их опубликования (ст. 37).

Стоит отметить, что за все время существования Первой империи «Сенат не аннулировал ни одного акта по причине не соответствия Конституции».³ Кроме того, для охраны прав и свобод граждан в составе Сената образовывались две комиссии, в каждую входили по семь членов: одна охраняла индивидуальную свободу, а другая - свободу прессы. Результат их работы следующий: «первая рассмотрела 585 петиций о незаконных арестах и признала 44 незаконными; вторая рассмотрела восемь дел, ни одно из которых не получило позитивного разрешения. Так, в частности, Сенат отменил только 3 апреля 1814 г. (через два дня после капитуляции Парижа) декрет от 3 марта 1810 г., который разрешал

---

² Текст Конституции от 13 декабря 1799 г. // <http://www.conseil-constitutionnel.fr/textes/constitution/c1804.htm> (25 июля 2005 г.).

³ Luchaire F. Le Conseil Constitutionnel. Tome I. Organisation et Attributions. 2 édition Economica, 1997. P.11.

заключать в тюрьму любое лицо без судебного решения».¹

Сенат в период Второй империи.

Вторая попытка реализовать идеи Сийеса была предпринята в Конституции Второй империи. Наполеон III прямо заявил, что заимствует институты Первой империи. И действительно, кроме авторитарного построения власти, Основной закон, принятый 14 января 1852 г.², предусматривал и учреждение Сената - хранителя Конституции. Ст. 26 закрепляла, что этот орган мог выступить против обнародования:

1. Законов, противоречащих или причиняющих вред Конституции, религии, морали, свободе вероисповедания, личной свободе, равенству граждан перед законом, неприкосновенности собственности и принципу несменяемости судей.

2. Законов, ставящих под сомнение безопасность государства.

Другое важное полномочие закрепляла ст. 29 Конституции, в соответствии с которой Сенат на основе представлений Правительства и петиций граждан мог аннулировать акты, противоречащие Конституции. В этом

случае важно подчеркнуть широкий круг инициаторов и актов, которые могли быть обжалованы. Следует напомнить, что в период первой Империи с инициативой могли выступать только Правительство и Трибунал, упраздненный в 1807 г.

Можно допустить, что практически не было законов, которые Сенат не мог заблокировать по одному из этих многочисленных оснований. В частности был вправе выступить против обнародования тех, что ограничивали свободу прессы, да и вообще, почти всех законов авторитарного периода Империи, направленных на борьбу с оппозицией.

Эти полномочия дополнялись правом Сената предлагать проекты законов национального значения (ст.30), принимать петиции граждан (ст. 50), а также сенатус-консульты, вносящие изменения в Конституцию (ст. 31).

Сенатус-консульт от 14 марта 1867 г. наделил Сенат правом возвращать на новое рассмотрение законодательного корпуса любой закон. А сенатус-консульт от 8 сентября 1869 г. и правом абсолютного вето по любым основаниям в отношении любых законов. С принятием Конституции 21 мая 1870 г. Сенат утратил права по конституционному контролю и стал второй законодательной палатой.

Со вступлением в силу этого Основного закона конституционный контроль исчезает из французских конституционных актов и появляется лишь через семьдесят лет после Второй мировой войны не только в Конституции IV Республики 1946 г., но и в Основных законах многих европейских стран, в том числе Италии, Германии.

---

¹ Luchaire F. Le Conseil Constitutionnel. P.11.

² Текст Конституции от 14 января 1852 г. // <http://www.conseil-constitutionnel.fr/textes/constitution/c1852.htm> (01.04.05).

На примере проекта Конституционного жюри, мы видим, насколько актуальны идеи Э. Ж. Сийеса и в наши дни, что в них еще до сих пор содержится потенциал, не раскрытый даже передовыми демократическими государствами. А практика реализации конституционного контроля в период Империй дает нам материал для анализа, почему эти идеи так и не были реализованы.

Приложение

Текст предложения, представленного
Э. Ж. Сийесом в Конвент
18 термидора III г.¹

О Конституционном жюри.

I

Создается консервативный хранитель конституционного акта под названием Конституционное жюри.

II

Он состоит из 108 членов, которые обновляются на треть каждый год в тоже время, что и законодательный корпус.

III

Выбор трети или 36 входящих членов осуществляется самим конституционным жюри из числа 250 покидающих ежегодно членов советов законодательного корпуса.

IV

Первый состав конституционного жюри формируется путем проведения секретного голосования в Конвенте, причем треть членов должны быть избраны из состава **национальной ассамблеи**, конституанты,

вторая – из членов законодательной палаты и третья – из членов Конвента.

V

Заседания Конституционного жюри не являются публичными.

VI

Конституционное жюри высказывается о нарушениях Конституции актами

Либо Совета старейшин,

Либо Совета пятисот,

Либо собраний выборщиков,

Либо первичных собраний,

Либо Кассационного суда.

Ходатайствовать об этом могут:

Либо Совет старейшин,

Либо Совет пятисот,

Либо отдельные граждане.

Оно высказывается также в отношении ходатайств, представляемых меньшинством, голосовавшим против акта в одном из вышеперечисленных.

VII

Решения Конституционного жюри носят название судебных постановлений.

VIII

Акты, признанные Конституционным жюри неконституционными, аннулируются и признаются несуществующими.

IX

Если признанный неконституционным акт является ответственным или связан с ответственным актом, то конституционное жюри может до или после обсуждения вопроса о конституционности направить приказ о преследовании в соответствующую судебную инстанцию.

X

Конституционное жюри занимается также сбором мнений, которые ему кажутся подходящими для улучшения конституционного акта и декларации прав **человека**.

¹ Текст предложения // Pasquale Pasquino. *Sieyès et l'invention de la Constitution en France*. Paris: Edition Odile Jacob, 1998. P.193-196. *Перевод А. К. Волкова*.

Мнение большинства в отношении таких мнений фиксируется в специальном регистре.

XI

Каждые 10 лет начиная с 1800 г., восьмого года республики, двенадцатого революции, конституционное жюри пересматривает вновь свои мнения, зафиксированные в регистре.

Оно составляет предложения для улучшения конституционного акта.

Они направляются в Совет старейшин и Совет пятисот и становятся публичными.

Предложения направляются как минимум за три месяца до проведения первичных собраний.

XII

Первичные собрания, заслушав предложения, голосуют «за» или «против» по вопросу их передачи на рассмотрение Совета старейшин.

Если большинство первичных собраний высказывается «против», то предложения считаются несостоявшимися и могут быть представлены на новое рассмотрение только через 10 лет.

Если большинство первичных собраний высказывается «за», то Совет старейшин наделяется учредительной властью, чтобы высказаться в отношении этих предложений, при этом за ним не сохраняется права внесения изменений или замены.

XIII

Совет старейшин рассматривает предложения на специальных заседаниях.

Их не может быть больше 12, и не более двух в декаде.

Будет вестись протокол заседания учредительной власти, который по окончании заседаний будет торжественно передан на хранение в архивы Конституционного жюри.

XIV

Каждый год путем жеребьевки формируется жюри естественной справедливости, состоящее не менее чем из одной десятой всех членов Конституционного жюри.

Эта секция уполномочена высказываться в отношении официальных запросов, направляемых различными судебными инстанциями, в случаях, если у них возникали сомнения в правильности подлежащего применению закона в конкретном деле.

XV

Решения по вопросам естественной справедливости исполняются судебным органом, который осуществил официальный запрос, или любым иным лицом по выбору Конституционного жюри.

XVI

Решения жюри естественной справедливости в течение месяца направляются в Совет пятисот.

XVII

Конституционное жюри не может вынести ни одно решение по собственной инициативе.

Кабинет министров Великобритании в период между мировыми войнами

Одной из характерных особенностей истории Великобритании является преемственное развитие ее государственно-правовых институтов, которые исторически изменились соответственно конкретным интересам господствующих классов. В отличие от домонополистического периода развития капитализма «совершенствование» государственно-правовых институтов, имевшее место в 1918-1939 гг., является по существу приспособлением их к требованиям политики Великобритании.

Прообразом современного Кабинета министров является существовавшая уже в XVIII веке комиссия из членов королевского Тайного Совета. Необходимость функционирования органа, концентрирующего в своих руках исполнительную власть, как бы диктовалась укреплением позиций постепенно набирающей силу буржуазии. Уже в первые годы XVIII в., в царствование королевы Анны, Кабинет решал основные вопросы внутренней и внешней политики, через него королева управляла страной. Этот порядок явился непосредственно правовым последствием введения в действие «Билля о правах» 1689 г. и «Закона о престолонаследии» 1701 г.

Длительный период последующей борьбы характеризуется значительными мероприятиями британской демократии в области расширения избирательных прав, обусловленными победой класса

буржуазии - ее экономическим укреплением и расширением власти. Влиятельные политические партии и избирательные машины способствовали буржуазии получать большинство в парламенте и образовывать свой так называемый комитет парламента - Кабинет. Со временем из рук короля Кабинет перешел в руки парламента. В дальнейшем, в период империализма, ведущая роль парламента вслед за реальными полномочиями короны переходит в руки Кабинета, т.е. фактически в руки крупной буржуазии. Кабинет функционирует как бы в рамках системы соглашений, складывающихся в виде обычаев в процессе практической деятельности правительства.

Начавшийся на рубеже XIX - XX вв. период империализма знаменуется в области государственно-правовых отношений тем, что именно в это время происходило постепенное соединение гигантской силы монополий с гигантской силой государства в один единый государственно-монополистический механизм. Рассматриваемый здесь хронологический отрезок времени (1918-1939 годы) более всего примечателен примерами, когда свободно избранная палата общин в Великобритании лишь прикрывала реальное всевластие правительства, за которым, в свою очередь, неизменно скрывалось господство финансовой олигархии, крупного монополистического капитала. Именно в

период между двумя мировыми войнами Великобритания, эта страна капиталистического могущества и беспримерных компромиссов, превратилась в арену важнейших социальных конфликтов. Обострилась поляризация британского общества, различные классы стали все более открыто демонстрировать свою властную силу, а теоретики консервативного направления никогда не скрывали, что в обществе, основанном на «различиях в богатстве и заслугах», обязательно должны быть лидеры, наделенные особыми полномочиями.

В период общего кризиса капитализма, в первой четверти XX века еще больше усилился процесс перехода власти к Кабинету министров. Нельзя не сказать, что прямое содействие усилению исполнительной власти, возвышению роли Кабинета в системе органов государственной власти в немалой степени оказала двухпартийная система, традиционно сложившаяся в Великобритании. Установление полного контроля руководством правящей партии, т.е. партии, победившей на выборах в палату общин по существу свело на нет реальную власть парламента, сделав его вместе с тем послушным, сохранив лишь внешние формы парламентского контроля над Кабинетом.

Буржуазные правящие круги, как никогда ранее озабоченные судьбой капиталистической системы, вовсе не остаются безучастными к тому, как работает аппарат управления, какие изменения претерпевает он в структурном и функциональном отношениях, каковы

перспективы его развития в будущем. В свое время К. Маркс отмечал то обстоятельство, что буржуазия приспособливает в своих целях и совершенствует государственный аппарат, превращая его «в точно установленный план государственной власти, где господствует такое же разделение труда и такая же централизация, как на фабрике». В период между двумя мировыми войнами при непосредственном участии и содействии политических партий были разработаны, а также расширены такие конституционные принципы в отношении правительства, как определение правящей и оппозиционной партий результатами выборов в палату общин; формирование Кабинета министров из членов партии парламентского большинства во главе с ее лидером в роли премьер-министра и министрами, занимающими руководящие посты в партии; официальное признание оппозиции, как наиболее яркое выражение принципа двухпартийности в парламенте; проведение в жизнь принципа однопартийного состава правительства перед палатой общин.

Расстановка сил в государстве сложилась так, что важнейшие государственные дела решает, однако, не правительство в полном составе и зачастую даже и не Кабинет, а гораздо более узкое неофициальное учреждение, создаваемое премьер-министром, так называемый Внутренний Кабинет. В его состав входят наиболее доверенные и близкие премьер-министру члены Кабинета, полностью разделяющие взгляды последнего. Здесь на этих секретных заседаниях четырех-пяти

министров и решаются кардинальные вопросы внутренней и внешней политики, которые уже затем выносятся на обсуждение Кабинета. Так, например, только с помощью «Внутреннего Кабинета», не допустив созыва парламента, Чемберлену удалось достичь договоренности с Гитлером и подписать мюнхенское соглашение в сентябре 1938 г.

Говоря о внешнеполитических полномочиях Кабинета, следует отметить, что, хотя они в целом и регулируются определенными конституционными актами, юридически существуют лишь номинально, а на деле столь властно и энергично осуществляются правительством, что случаи, когда монархи вмешивались в принятие внешнеполитических решений, были весьма немногочисленны. Общая государственная практика, как свидетельствуют исследователи, сложилась таким образом, что правительство и премьер-министр в самой незначительной степени связаны в своей деятельности «советами монарха». По инициативе правительства, например, были разработаны законодательные мероприятия, имеющие целью приостановить обострившийся процесс распада Британской Империи. Они были приняты парламентом 24 ноября 1931 года под наименованием Вестминстерского статуса 1931 г.

Как уже указывалось, премьер-министром обычно становится лидер партии, получивший на парламентских всеобщих выборах большинство мест в парламенте, – это официальная версия, которая должна освещать легенду, будто

премьера выбирает народ. На самом же деле премьер-министр, особенно если он принадлежит к консервативной партии, прежде всего является ставленником монополий, с которыми он тесно связан не только общими классовыми интересами, но и нередко личными. На деле премьер-министром становится тот, кто в состоянии по расчетам власть имущих магнатов банковского и промышленного капитала в данный момент служить их интересам лучше других. Именно в период между двумя мировыми войнами сформировался конституционный обычай, в соответствии с которым премьер-министр должен быть обязательно членом палаты общин, а не палаты лордов. В 1923 г, когда должность премьер-министра освободилась, королю пришлось делать новый выбор. Хотя лорд Керзон был более предпочтительной кандидатурой, назначен был С. Болдуин на том основании, что как заявили лидеры консервативной партии, член палаты лордов не должен быть главой правительства. Так был установлен прецедент.

Юридически должность премьер-министра долгое время была неизвестна британскому законодательству. Премьер-министр, как таковой, не получал даже жалования. Он не несет конституционно определенных конкретных обязанностей как премьер, в актах парламентов не встречается его имя. В случае если партия премьер-министра теряет большинство в палате общин или если он теряет доверие своих коллег по партии и единомышленников по Кабинету, премьер уходит в отставку. Так и случалось, когда,

потерявший партийную поддержку в 1940 г. Н. Чемберлен был вынужден уйти в отставку, несмотря на то, что он получил формальный вотум доверия в парламенте. Случаи подобного рода, однако, крайне редки.

Хотя формально Кабинет и считается коллегиальным органом, фактически премьер сам резюмирует результат обсуждения вопроса и формулирует свое решение в качестве решения Кабинета. В Кабинете почти никогда дело не доходит до голосования. Весь авторитет всемогущего британского Кабинета перешел сейчас к его премьеру, и его власть оказалась настолько велика, что даже король без согласия премьера не произносит перед народом политические речи; премьер же, наоборот, побуждает монарха (иногда против его воли) выступать публично. Правительство и премьер-министр, более или менее устойчиво опирающиеся в парламенте на большинство депутатов правящей партии, прочно опираются и на государственный аппарат, в чем можно видеть проявление процесса монополизации управления государством, который не ограничивается обычно только лишь обладанием звеньями центральных органов.

Исторически обеспечив себе удобную и выгодную избирательную систему, установив контроль над законодательной и судебной властью, монополии создают мощную опору своей власти в виде крепкого бюрократического аппарата. Государственно-правовое развитие в исследуемый период дает немало оснований согласиться с выводом о том, что «концепция демократии,

выработанная британским правящим классом, не допускает никаких возражений против капиталистической системы социальной собственности. В течение веков правящий класс Великобритании создал теорию государства и политическую систему, в основе которой лежит защита капиталистической собственности и системы капиталистической эксплуатации».

В период империализма, а особенно в рассматриваемый период времени, исполнительная власть не только фактически освобождается от контроля законодательной власти, но и сама законодательствует. Расширение полномочий правительства в области законодательства оправдывается ответственностью министров перед парламентом. С. Лоу, британский юрист, еще в начале XX века видел возрастающее влияние Кабинета в области законодательства, и он оправдывал это, называя Кабинет «комитетом от палат», считая, что именно поэтому усиление власти Кабинета не может быть истолковано в смысле перевеса исполнительной власти над законодательной.

Присвоение законодательных функций Кабинетом находит выражение главным образом, в так называемом «делегированном законодательстве» и в монополизации правительством законодательной инициативы. Практика периода 1918-1939 гг. сложилась таким образом, что важное место в повседневной государственной жизни Великобритании заняло осуществляемое правительством делегированное законодательство. Будучи

при этом почти монопольным носителем законодательной инициативы, правительство значительно расширяет свои государственные функции и роль в системе высших государственных органов. В зарубежной теории конституционного права можно видеть немало высказываний, оправдывающих практику делегированного законодательства. В основу выводов в большинстве случаев положены следующие предпосылки:

а) парламент не является постоянно действующим органом, а законодательство есть повседневный законотворческий процесс;

б) парламент слишком перегружен текущими делами;

в) познания большинства членов парламента ограничены и некавалифицированы;

г) парламент не обладает должной «политической чувствительностью»;

д) парламентская законодательная процедура слишком медлительная.

Делегированное законодательство - одна из форм указанного права исполнительной власти, означает что Кабинет «уполномочен» парламентом издавать нормоустанавливающие акты. При этом уполномочивающий акт содержит лишь некоторые общие контуры правительственного нормотворчества по тому или другому вопросу, доверяя Кабинету полномочие заполнить их более конкретным содержанием, т.е. фактически изменять по своему усмотрению действующие нормативные акты и устанавливать новые. Для того, чтобы уяснить значение актов делегированного

законодательства, следует обратить внимание на их юридическую природу. Она характеризуется в значительной мере тем, что вступивший в силу акт исполнительной власти с точки зрения его юридической силы рассматривается как органическая часть самого закона.

В руководстве по толкованию правовых актов говорится: «В случае противоречия между актом исполнительной власти, изданным на основе делегированных полномочий, и статьей закона, при толковании необходимо действовать таким образом, как будто речь идет о противоречии между двумя статьями закона». Таким образом, призыв правительства получает юридическое закрепление.

В рассматриваемый период делегированное законодательство находит все возрастающее применение в практике государственной деятельности Великобритании. Рост числа нормативных актов, принимаемых в порядке делегированного законодательства, очевиден из следующих сравнений: в 1906 г. таких актов было принято 986, в 1926 году – 1745, а спустя еще двадцатилетие, т.е. в 1946 г. их было уже 2287. Анализируемый период характерен также значительными акциями в области чрезвычайного законодательства, что можно видеть на примере «Закона о чрезвычайных полномочиях», (Emergency Powers Act), принятого в ноябре 1920 года. Закон предоставил правительству и министрам, как лицам, «находящимся на службе его величества или действующим от имени его величества», осуществлять такие полномочия, «которые его

величество сочтет необходимыми».

Классический принцип парламентской ответственности правительства основан на том факте, что британская неписанная конституция не признает «разделения властей», формально устанавливая парламентскую ответственность министров. Но если парламентский контроль и ответственность министров стали по существу фикцией, то остающееся в силе отрицание принципа «разделения властей» вполне может быть использовано как раз для того, чтобы оправдать реальное подчинение парламента энергичному союзу органов исполнительной власти. Известно, что первоначально теория разделения властей представляла собой своеобразную форму компромисса между крупной буржуазией и дворянством в вопросе о власти. Ее отрицание в условиях олигархической диктатуры монополий заключается в обеспечении независимости исполнительной власти. Иначе говоря, доктрина «разделения властей», выдвинутая в свое время для оправдания парламентского контроля над правительством, выступает теперь в качестве оправдания обратного процесса - контроля правительства над парламентом. В этом - одна из особенностей конституционной практики Великобритании рассматриваемого периода.

Призванные к осуществлению власти и поддерживаемые палатой общин, министры формально должны придерживаться политики, проводимой палатой, и правительство должно удалиться от власти в случае, если оно утратит

доверие палаты общин. В каких случаях министры считаются утратившими доверие палаты?

Таких случаев четыре: 1) прямое выражение недоверия правительству; 2) вотум порицания или осуждения по отношению к правительству как в целом, так и к отдельному министру; 3) отклонение предложения или билля, внесенных Кабинетом, или принятие предложения, против которого возражает Кабинет; 4) поражение правительственной партии на общих выборах.

На практике оказывается, что случаи расхождения Кабинета, т.е. лидеров партии с большинством в парламенте крайне редки и имеют тенденцию к исчезновению. «Лидеры партии большинства, - констатируют Уэйд и Филипс, - составляющие кабинет, осуществляют реальный контроль над палатой, особенно в тех случаях, когда места в палате общин разделены всего лишь между двумя партиями. Парламент может и настоять на отставке Кабинета, но политическая партия, естественно, не захочет голосовать против своих лидеров». Поражение Кабинета означает роспуск парламента и порождает риск того, что в результате всеобщих выборов власть перейдет к партии оппозиции, а это для многих - перспектива далеко не самая лучшая. Таким образом, в то время, как парламент обладает верховенством в том смысле, что ему принадлежит право образовывать и отправлять в отставку правительство, - правительство пока оно у власти, по общему правилу, контролирует парламент.

Правительство от имени короны

созывает парламент, оно не устанавливает программу парламентской деятельности, направляет и управляет парламентом с целью проведения в жизнь этой программы. В тех же случаях, когда парламент отказывается предоставить ему необходимую поддержку, правительство от имени короны распускает парламент. Как видно авторитет короны используется правительством в целях осуществления неограниченных полномочий, что неизменно оправдывается британскими государствоведами, видное место среди которых занимал в рассматриваемый период У. Дженнингс. Утверждая, что власть правительства основана «на парламентском большинстве, а последнее – на воле народа», он говорит о том, что правительство управляет «с палатой общин и через нее». У. Дженнингс исходя из того, что всевластие правительства основано, таким образом, на «свободном общественном мнении», видит в этом одно из «несравненных достоинств» политической системы Великобритании. Именно это и делает, по его мнению, правительство этой страны «одним из самых властных и решительных в мире».

Как свидетельствует государственно-правовая практика 1918-1939 гг., многочисленные формы парламентского контроля не обеспечивают его в действительности, а носят лишь видимый характер. В современных условиях, господствующий монополистический капитал контролирует свое правительство более непосредственно и удобно, чем громоздкий публичный парламентский контроль, а остатки парламентского контроля сохранены лишь для формы.

Согласно сложившейся практике Кабинет может осуществлять полномочия других органов, даже короля и парламента. «Осуществление Кабинетом его полномочий не контролируется ни одним органом государства. В палате общин этому мешает двухпартийная система. Бесконтрольность же при осуществлении прерогатив короля обуславливается действием соответствующих норм конституционного права».

Существование сохранившихся форм парламентского контроля было призвано в период 1918-1939 гг. заглушать самый главный и существенный факт: бесплодность и неэффективность такого контроля. Парламент не обладает ни фактическим, ни юридическим контролем, он сам оказался зависимым от правительства, как пишут исследователи, Д. Ллойд-Джордж назвал чистейшей фантазией какой бы то ни было контроль парламента над правительством. «Ни в одной северо-западной европейской стране власть парламента не является столь нереальной и призрачной, как в Великобритании», – писал либеральный деятель того времени Р. Мор. Общий кризис всей системы мирового капитализма, как и многие конкретные социально-экономические факторы заметно усилили в период между двумя мировыми войнами процесс концентрации политической власти в руках Кабинета Великобритании, а очевидное сосредоточение власти в руках премьера позволило отдельным британским юристам констатировать факт его приоритета вместо существовавшей прежде традиционной доктрины

коллективной принадлежности исполнительной власти министрам, среди которых премьер-министр был всего лишь «первым среди равных». Можно без преувеличения сказать, что премьер-министр – наиболее влиятельное лицо в государственной жизни страны. Занимая исключительно значительное место в системе высших государственных органов, премьер-министр фактически обрел компетенцию, позволяющую ему властно влиять на все стороны политики государства.

Таким образом, в рассматриваемый период все ощутимей происходит процесс усиления правительственной власти за счет ослабления власти парламента. Роль переменялась: Кабинет, созданный как «комитет от палат», находящийся под непосредственным контролем парламента, взяв в свои руки полное управление страной, превратился теперь в комитет партии, занимающей командное положение в палате общин и осуществляющей эффективный контроль над парламентом.

Из всего изложенного можно сделать применительно к анализируемому периоду (1918-1939 гг.) следующие выводы:

1) британский Кабинет устойчиво превратился в центральный орган, располагающий уже на рубеже XIX-XX вв. практически всей полнотой государственной власти;

2) указанное его положение вытекает из того, что: во-первых, он является партийным комитетом большинства консерваторов или либералов, а затем лейбористов в палате общин; во-вторых, из того, что, обладая властью, он получает в

свое полное и беспрекословное распоряжение весь к тому времени уже высоко централизованный бюрократический аппарат министерств;

3) как партийный комитет большинства в палате общин, Кабинет министров практически завершает процесс сосредоточения в своих руках всех законодательных и административных функций, которые формально-юридически этой палате принадлежат;

4) Кабинет достаточно свободно использует основные полномочия короны как по линии назначения всякого рода, так и по линии принятия всех требуемых обстоятельствами времени орудием, в интересах правящих классов, всеобъемлющей диктаторской власти;

5) в рассмотренный отрезок времени вся полнота власти оказалась уже достаточно сосредоточенной не только в руках Кабинета, но и непосредственно в руках премьера. При сокращении сферы влияния королевской власти премьер-министр становится фигурой, все более напоминающей все сильного президента в республиканских государствах.

Список использованной литературы:

Бромхед П. Эволюция британской конституции. М.: Юридическая литература, 1978.

Голлан Дж. Политическая система Великобритании. М.: ИЛ, 1959.

Зивс С. Л. Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. М., 1958.

Конституционное право. М.: ИЛ, 1950.

Конституция буржуазных государств Европы. М.: ИЛ, 1957.

Крылова Н.С. Английское государство М.: Наука, 1981.

Крылова Н.С. Центральные государственные органы в Великобритании. М.: Юридическая литература, 1978.

Лоу С. Государственный строй Англии. СПб., 1910.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8 / 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1957.

Мюр Р. Как управляется Британия. М.: Соцэкгиз, 1936.

Тригорин Н.Е. Английский парламент и внешняя политика // Правоведение. 1983. № 3.

Bailey S. British Parliamentary Democracy № Westport, 1978.

British Prime Ministers in the twentieth Century. Vol. I. Balfour to Chamberlain / Ed. by P. Mackintosh. London, 1978.

Butler D., Sloman A. British Political Facts 1900-1979. London, 1980.

Cherchill W.S. The Second World War. Boston, 1948.

Hartley T., Griffith J. Government and Law. London, 1975.

Hewitt D. The Control of Delegation Legislation. London; Sudnev, 1953.

Howard P. The British Monarchy in the Twentieth Century. London, 1977.

Jennings W. Cabinet Government. Cambridge, 1937.

Jennings W. Parliament. Cambridge, 1939.

Madgwick P. Introduction to British Politics. London, 1978.

May T.A. Treatise on the Rules. Proceedings and Usage of Parliament / 14th ed. London, 1946.

Nicolson H. George V. Constable, 1952.

Правовые основы политики попечительства в Российской империи в первой половине XIX в.

В настоящее время государственная социальная политика предполагает комплекс мер, обеспечивающих социальную поддержку людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, либо предупреждение таковых. В этом значении она выступает средством реализации социальной функции государства, стабилизирующим фактором, охраняющим его внутреннюю безопасность. Содержание и методы социальной политики меняются в зависимости от характера общественного и государственного строя, и чем более зрелым становится общество, тем более значимой становится для него задача формирования не просто системы государственной социальной помощи нуждающимся, а социального государства. Такая перспектива сегодня определена действующей Конституцией Российской Федерации.

Когда же начинается в России выработка целенаправленной социальной политики? По нашему мнению, осознание государственной властью необходимости этого происходит не ранее XVIII века. В это время получает распространение теория полицейского государства, служащего «общей народной пользе» и «общему благу». Однако понимание «общего блага» носило сословный характер, что определяло содержание социального законодательства Российской империи вплоть до ее краха.

Гражданское неравенство и сословная разобщенность подданных российских монархов обусловили одновременное сосуществование нескольких моделей социальной политики по отношению к основным сословным группам населения: дворянству, духовенству, горожанам и крестьянам («сельским обывателям»). Последняя и самая массовая (почти 80% населения империи) отличалась наиболее приниженым социальным и юридическим положением. Крестьяне являлись главными производителями общественного богатства, защитниками государственного суверенитета в бесконечных войнах, хранителями духовных традиций и обычаев. В то же время все российские монархи и просвещенная элита считали, что крестьяне в силу неграмотности и простоты нравов в большей степени, чем прочие социальные группы, нуждаются в руководстве, наставлении, надзоре, а потому не случайно, что комплекс мероприятий по поддержанию социальной стабильности и платежеспособности крестьянства как основной податной группы получил официальное название «политики попечительства».

Правовые основы политики попечительства активно развивались на протяжении всей первой половины XIX в. и в систематизированном виде наиболее

полно были представлены в двух изданиях Свода законов Российской империи (1842, 1857 гг.). Юридически российское крестьянство разделялось на «свободных сельских обывателей» и лиц крепостного состояния. К первым относились крестьяне, состоявшие под управлением коронных ведомств, ко вторым – частновладельческие крестьяне. Законодательство неравномерно регулировало объем, порядок и методы «попечительства» в отношении этих групп крестьян. Обязанность попечения возлагалась на юридических владельцев крестьян и управляющие органы: на Министерство государственных имуществ (с 1838 г.) в отношении государственных крестьян, Министерство императорского двора и уделов (с 1826 г.) в отношении удельных и дворцовых крестьян, на помещиков (под наблюдением уездных предводителей дворянства в отношении частновладельческих крестьян. В коронном секторе попечительские функции возлагались также на выборных должностных лиц из крестьян, состоявших на общественной службе. Например, в обязанности сельских старост казенных и удельных селений входило «вразумлять крестьян во всем, что к пользе земледелия их относится», надзирать, «чтоб проводили они время в трудолюбии»; досматривать каждый месяц хозяйство ленивых, нерадивых, также вдов и сирот»⁵⁹. Крестьянская община издавна исполняла

---

⁵⁹ Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ). СПб., 1857. Т. 12. Ч. 2. Уставы о городском и сельском хозяйстве... Ст. 115.

функцию социальной защиты своих членов, но именно в рассматриваемый период эта функция получила разностороннюю регламентацию в нормативно-правовых актах, что в частности, свидетельствует о наивысшем развитии данного архаичного института к середине XIX в. именно в коронном секторе российского землевладения.

Различия в статусе землевладельцев – государственных органов и частных лиц – определяли содержание, методы, цели и объем проводимых социальных мероприятий. Наиболее широкая нормативная основа попечительства существовала в коронной деревне, но во второй четверти XIX в. государство предпринимало попытки более четко определить и обязанности помещиков в отношении крепостных.

Основными направлениями социальной политики попечительства в отношении крестьян в 1830-1850-е годы стали: обеспечение народного продовольствия; призрение сирот, бедных и немощных, солдатских жен и вдов; развитие народного образования; медицинская и ветеринарная помощь; страхование от пожаров и другие мероприятия. Рассмотрим особенности нормативно-правового регулирования некоторых из них.

Обеспечение народного продовольствия являлось важнейшим государственным делом и относилось к компетенции Министерства внутренних дел (Хозяйственный департамент МВД). Его целью являлось формирование

двухгодичных страховых зерновых запасов на случай голода или неурожая в специальных местах хранения – запасных хлебных магазинах (складах), создававшихся в казенных волостях, удельных приказах и помещичьих имениях⁶⁰. Практика организации таких складов возникла еще в XVIII в., но только в первой половине XIX в. была унифицирована, детально закреплена законодательно и превращена в общегосударственную программу. Первый опыт централизованного решения проблемы продовольственного страхования крестьян за счет их собственных трудов и средств предложило удельное ведомство.

В удельных селениях 26 сентября 1827 г. вместо разнообразных сборов подушного хлеба или денег была введена общественная запашка полей. Под нее от каждого душевого надела (земельной площади на «ревизскую душу») отрезалось по 1/16 десятины в многоземельных губерниях и по 1/32 – в малоземельных. Как правило, это были лучшие земли, которые составляли общественные поля и обрабатывались крестьянами коллективно по нарядам под непосредственным руководством выборного смотрителя, подчиненного администрации сельского приказа. Излишки хлеба, собранного с этих полей, продавались и пополняли специальный фонд, которым удельное ведомство пользовалось как для поощрения своих сотрудников, так и для

финансирования социальных мероприятий для крестьян. Ссуды удельным крестьянам из общественного хлебного запаса, хранившегося в запасных магазинах, как правило, всегда выдавались под небольшие процент⁶¹. Контроль за всеми операциями, связанными с общественной запашкой, осуществлялся всеми уровнями удельного управления – сельскими приказами, региональными удельными конторами и департаментом уделов Министерства двора. Таким образом удельное ведомство решило вопрос продовольственного страхования подведомственных крестьян и не участвовало в подобных общегубернских мероприятиях.

В Российской империи с 1834 г. все хлебные запасные магазины городов и селений (за исключением удельных) перешли в ведение специальных Комиссий продовольствия, созданных в каждой губернии. В состав каждой комиссии, подчинявшейся непосредственно министру внутренних дел, входили: губернатор (председатель), губернский предводитель дворянства, председатель казенной палаты, управляющий палатой госимуществ (с 1838 г.), губернский прокурор, уездный предводитель дворянства (по месту нахождения губернского города). К компетенции губернской комиссии, собиравшейся не реже 2-х раз в год, относились: разработка чрезвычайных мер в случае общего неурожая, контроль за состоянием запасных магазинов и продовольственных капиталов,

---

⁶⁰ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 13. Ч. 1. Уставы об обеспечении народного продовольствия. Ст. 1, 7–11.

---

⁶¹ Там же. Ст. 113–124.

мониторинг хлебных цен и урожайности в губернии и за ее пределами (в местах закупки хлеба для губернских нужд), назначение пособий нуждающимся (для помещичьих крестьян – по ходатайствам уездных предводителей дворянства). Общий контроль за соблюдением законодательства о народном продовольствии возлагался на губернаторов⁶².

Тогда же были впервые систематизированы обязанности помещиков по обеспечению продовольствия своих крестьян⁶³. Они должны были участвовать в проведении общегубернских хлебных и денежных сборов, размеры которых определялись вышеупомянутыми комиссиями продовольствия. Каждый помещик обязан был устроить в своих имениях хлебные склады (магазины) отдельно от собственных амбаров. Закон устанавливал ежегодную норму сдачи крестьянами собранного зерна (в равной мере для государственных и владельческих крестьян: 1 четверть ржи или пшеницы и полчетверть овса или ячменя с каждой ревизской души), правила хранения зерна, управления складами, выдачи ссуд нуждающимся крестьянам по решению комиссии продовольствия⁶⁴. Контроль за состоянием складов в помещичьих имениях возлагался на предводителей дворянства.

---

⁶² Там же. Ст. 4, 5, 14, 23–29.

⁶³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее ПСЗ 2). Т. 9. № 7253.

⁶⁴ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 13. Ч. 1. Уставы об обеспечении народного продовольствия. Ст. 41, 131, 129–164, 182–218.

После образования Министерства государственных имуществ с 1838 г. продовольственное страхование государственных крестьян и выдача им пособий производились под контролем этого ведомства. 16 марта 1842 г. было утверждено Положение об обеспечении продовольствия государственных крестьян, по которому они, а также все прочие лица, занимавшиеся хлебопашеством на казенной и собственной земле, обязаны были участвовать в составлении хлебных запасов путем внесения дополнительных натуральных (хлебных) или денежных взносов в специальные фонды. Эти запасы делились на частные (для удовлетворения нужд самих крестьян) и общие (госрезервы, складировавшиеся в крупных морских и речных портах для скорейшего их перемещения в случае необходимости)⁶⁵.

Частные хлебные запасы государственных крестьян для их собственного взаимного страхования формировались двумя способами: во-первых, ежегодной отсыпкой установленной нормы зерна, общей для всех сельских магазинов независимо от владельческой принадлежности; во-вторых, урожаем, полученным при коллективной обработке крестьянами общественных полей («общественной запашки»)⁶⁶. Для создания

---

⁶⁵ Там же. Ст. 35–38.

⁶⁶ Общественная запашка в селениях государственных крестьян была введена в 1842 г. по примеру удельных, однако ее режим был менее жестко регламентирован. В Западных губерниях России законодатель разрешал вводить запашку по решению управляющего органа в местностях, где

общих хлебных резервов устанавливался особый денежный сбор с государственных крестьян (по 48 коп серебром с ревизской души первоначально и по 6 коп серебром с души ежегодно). Таким способом составлялся запасной продовольственный капитал, частично находившийся в распоряжении Мингосимущества и использовавшийся казной для закупки страхового хлеба в больших объемах. Законодатель подробно регламентировал размеры и порядок выдачи ссуд нуждающимся, правила отчетности, юридическую ответственность за нарушение установленных правил как самими крестьянами, так и выборными сельскими начальниками⁶⁷.

Таким образом, продовольственная помощь крестьянам осуществлялась за счет создания общественных фондов (зерновых и денежных). Основным источником их

действовало «хозяйственное положение» согласно правилам люстрации; в оброчных губерниях для ее введения требовалось согласие сельских обществ государственных крестьян (но как мера наказания за уклонение крестьян от хлебных взносов в запасные магазины или за неисполнение других повинностей в оброчных губерниях она могла вводиться правительственными чиновниками в административном порядке). Весь хлеб, собранный на полях «общественной запашки», за исключением семян, поступал в сельские магазины. Позднее было разрешено средства, вырученные от продажи излишков хлеба, собранного с общественной запашки, переводить в состав мирских капиталов. – ПЗС 2. Т. 17. № 15386, ст. 10, 13, 16; Т. 18. № 17381; СЗРИ. СПб., 1842. Т. 13. Ч. 1. Уставы об обеспечении народного продовольствия. Ст. 41–52, 55.

⁶⁷ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 13. Ч. 1. Уставы об обеспечении народного продовольствия. Ст. 91–98.

формирования выступали труд и денежные средства самих крестьян. Ссуды нуждающимся выдавались, как правило, на возмездной основе. Аккумулирование дополнительных крупных денежных средств коронными ведомств позволяло частично использовать их для проведения различных социальных мероприятий в деревне, что, в свою очередь, явилось предпосылкой перехода к централизованному планированию и финансированию социально-экономических программ в аграрном секторе экономики. Однако методы, которыми при этом пользовалось государство, оставались исключительно командно-административными, а регулирующие эти отношения правовые нормы, в основном – императивными, предписывающими и обязывающими.

К началу XIX в. в России существовала довольно широкая сеть государственных и общественных социальных учреждений, осуществлявших функции призрения нуждающихся. Это, в первую очередь, губернские учреждения, состоявшие в ведении Приказов общественного призрения, созданных в 1775 г.: сиротские дома (только для сирот из свободных сословий), воспитательные дома (для незаконнорожденных младенцев), больницы, дома для душевнобольных, дома для неизлечимо больных (принимались больные неимущие), богадельни (принимались увечные, престарелые, не имеющие пропитания лица всех состояний кроме помещичьих и крестьян других ведомств, призрением которых обязаны заниматься их начальства), работные дома

(предоставляли работу, питание, кров, одежду; принимали трудоспособных бедных и «убогих» как по их собственному желанию, так и по направлениям полиции и местных начальств, как, например, «ленивых» или «развратного поведения» солдатских жен из сословия государственных крестьян), смирительные дома (выполняли функции пенитенциарных учреждений). Для тех же целей свои учреждения имели некоторые государственные ведомства (военное, духовное, удельное, горнозаводское, госимущество). Большую известность приобрели социальные учреждения, созданные на средства короны и ряда членов императорской семьи, находившиеся под управлением Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны, императорского Человеколюбивого общества и иных организаций⁶⁸.

В сельской местности обязанность оказания социальной помощи нуждающимся возлагалась законодателем на помещиков и органы местного крестьянского самоуправления в коронном секторе, которые должны были оказывать первичную помощь бедным и пострадавшим от разного рода несчастий, сиротам, больным, престарелым и одиноким крестьянам в соответствии не только с древними обычаями, но и по закону. На крестьянский мир в коронном секторе были возложены дополнительные налогово-повинностные

обязанности по строительству и содержанию специальных социальных учреждений: больниц, богаделен, хлебных складов, фельдшерских пунктов и проч. Сельское общество, в частности, должно было заботиться об устройстве солдатских жен и вдов, которые, после поступления их мужей на военную службу по рекрутской повинности, формально причислялись к военному ведомству. Значительная часть этих крестьянок оставалась на своем месте жительства и могла либо продолжать самостоятельное хозяйство (пользоваться душевым земельным наделом супруга с уплатой податей), либо возвратиться в родительскую семью. В любом случае они обязаны были следовать правилам крестьянского общежития, находиться под контролем родственников или сельских обществ, трудиться, сохраняя право на получение помощи только в случае болезни, старости или увечья⁶⁹.

Важной особенностью социальной политики в отношении крестьян являлось финансирование ее мероприятий за счет самих крестьян. Сначала удельное ведомство, а затем и казна (Минфин, Мингосимущества) приступили к формированию нескольких специальных финансовых фондов («капиталов») за счет дополнительных целевых сборов с крестьян, штрафов, доходов от сдачи в аренду объектов казенной или удельной собственности, дополнительной эксплуатации крестьянского труда

---

⁶⁸ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 13. Ч. 1. Устав об общественном призрении. Ст. 675, 1001, 1018, 1019, 1769–1797.

---

⁶⁹ СЗРИ. СПб., 1857. Т. 12. Ч. 2. Уставы о благоустройстве в казенных селениях. Ст. 148–164.

(«общественная запашка») и проч. В 30-40-е гг. XIX в. в удельной и государственной деревне были созданы продовольственные или запасные, «хозяйственные», вспомогательные и мирские капиталы. Эти средства частично, по усмотрению администрации коронных крестьян, расходовались на пособия и ссуды нуждающимся крестьянам, как на возмездной основе, так и безвозвратно. Например, в чрезвычайных ситуациях (наводнении, «градобитии», падеже скота и эпидемиях), в случае разорения крестьян, на учреждение больниц и богаделен, ремонт церквей и общественных зданий, для покупки скота лучших пород и сельскохозяйственных орудий, а также «на разные полезные в сельском быту учреждения» и т.п.⁷⁰ Ведомственные богадельни и больницы для коронных крестьян также существовали на общественные средства (использовались также пожертвования и штрафные деньги)⁷¹.

Разумеется, как указанные меры, так и многие другие, затронуть которые не

---

⁷⁰ СЗРИ. СПб., 1857. Т. 12. Ч. 2. Уставы о городском и сельском хозяйстве... Ст. 496–534.

⁷¹ СЗРИ. СПб., 1842. Т. 13. Ч. 1. Устав об общественном призрении. Ст. 1868–1884. В Свод законов попало незначительное число норм, регулировавших мирское общественное призрение крестьян. Более объемно нормативно-правовые основы социальной помощи коронным крестьянам отразились в отдельных систематизациях ведомственных нормативных правовых актов: Своде удельных постановлений 1843 г. и Сборнике постановлений по управлению государственных имуществ 1850 г.

позволяет объем данной работы, вызывали неизбежный рост общей налоговой нагрузки на крестьян. Но в структуре налогового бремени крестьян коронного сектора в первой половине XIX в. наиболее активно увеличивалась доля именно общественных сборов при фактически неизменном размере прямых государственных податей и незначительном увеличении рентных платежей. Данная тенденция стала проявлением растущей потребности общества в новых механизмах разработки, финансирования и реализации масштабных социальных программ в интересах всего общества, а не только отдельных сословий. Однако новые задачи решались старыми способами, основанными на феодальной эксплуатации основного сословия империи. Государственная налоговая система феодального типа находилась в состоянии общего кризиса и не была способна обеспечить финансирование растущих социальных расходов.

Особенностью социальной политики в отношении крестьян в преддверии реформ 1860-х годов был ее двойственный характер. В ней ярко проявлялось охранительное назначение этих мероприятий, соответствующее патерналистской идеологии полицейского государства. Оказание социальной помощи нуждающимся находилось в тесной связи с пресечением асоциального образа поведения (нищенства, бродяжничества, нарушений паспортного режима и, в целом, правил «благочиния») лиц, в подавляющем большинстве принадлежавших к самому массовому «низшему» сословию империи.

Нормы законодательства об административных правонарушениях были естественным и неотъемлемым продолжением правил об оказании различных видов социальной помощи. Не случайно, в Своде законов Российской империи изданий 1832 и 1842 гг. (тома XIII и XIV) эти нормы составили общий блок под названием, предложенным еще в екатерининское время – Свод уставов благочиния – в пяти частях: о народном продовольствии и общественном призрении; о гражданской медицинской помощи; о паспортах и беглых; о предупреждении и пресечении преступлений; о содержащихся под стражей и ссыльных. Предметная систематизация правовых норм, регламентировавших собственно сферу социальной поддержки населения, произошла только в 1857 г.

Таким образом, в Российской империи в первой половине XIX в. активно формировались правовые основы социальной политики государства как системы специальных мероприятий, обеспечивающих социальную поддержку людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, либо предупреждение таковых. Однако сословная иерархия общества, закрепленная правовыми средствами, неразвитость функциональной и организационной среды российской государственности, узкое понимание стратегических задач национальной безопасности и ряд иных причин не позволили обеспечить развитие этих основ на принципах формального юридического равенства и социальной справедливости.

Монгольские завоеватели и мирное население: правовые аспекты взаимоотношений

В науке сложилось устойчивое представление о том, что монгольские завоевания сопровождались уничтожением государств, разорением и сожжением городов и деревень, убийством, угоном в плен и грабежом мирного населения. Большинство дошедших до нас источников, и в самом деле, дают основания для формирования такого представления. Однако мало кому известно, что в праве Монгольской империи и ее преемников присутствовали нормы, предписывающие завоевателям воздерживаться от насилия над гражданским населением захваченных областей. В настоящей работе мы намерены рассмотреть содержание этих норм, их формальное закрепление, действие на практике и случаи их нарушения.

До нашего времени дошел весьма интересный официальный документ, содержащий нормативные положения, регулирующие взаимоотношения монгольских завоевателей с мирным населением завоевываемых стран и областей. Речь идет о сравнительно недавно обнаруженном источнике – послании монгольского хана и китайского императора Хубилая (прав. 1260-1294) корейскому вану, своему вассалу, направленное в 1280 г. Это послание содержит (как следует из его предисловия) «приказ хагана, изреченный [им] ранее и

записанный целиком и полностью»⁷², который представляет собой кодифицированный правовой акт, регламентирующий различные аспекты деятельности военнослужащих разного уровня. Акт состоит из 17 статей, для нас в рамках настоящего исследования особый интерес представляют четыре из них, которые мы цитируем ниже:

«Статья 12. ... Запрещается чиновникам отбирать жилье у населения для предоставления его своим чиновникам, размещая их таким образом, где угодно: покоренных жителей запрещается обманывать, вводить в заблуждение, давать пустые обещания.

Статья 13. Военным чиновникам следует вести пропаганду среди воинов против бандитизма. Запрещается грабить население и торговые магазины, захватывать дома, имущество, пахотную землю, цветы, фрукты, сосны, бамбук, овощи, грибы, различные деревья и сады. Если имеются награбленные вещи, то следует вернуть их хозяевам.

А также запрещается разрушать чужие дома, вскрывать могилы с целью ограбления.

---

⁷² Сумьябаатар Б. Монгольский законодательный памятник XIII в. – новый список // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2005. С. 159.

Статья 14. Запрещается военным чиновникам и воинам насильно жениться на женщинах и девушках в покоренных городах и селах. Запрещается им, даже если женитьба состоялась по обоюдному согласию, торговать самовластно родственниками жены и прочими домочадцами, слугами и женить их.

Статья 15. Строго запрещается военным чиновникам: на захваченных земельных участках, как и на тех местах, где будет располагаться гарнизон и по которым предстоит проходить войскам и табунам войсковой части, на сделанном по приказу хагана заповедном месте собирать в большом количестве скот, позволять им топтать зерновые культуры на земельных участках местного населения и обгладывать фруктовые и тутовые деревья. Запрещается убивать домашних животных, а именно: свиней, кур, гусей и уток. Запрещается грабить население, пусть даже это будут незначительные вещи частной собственности».⁷³

Данные положения зафиксированы в документе, датированном 1280 г., однако, как следует из содержания самого этого послания, этот приказ был «изречен ранее» и в данном послании лишь «записан полностью». Когда же в Монгольской империи могли появиться нормы, регламентирующие взаимоотношения завоевателей с местным населением?

Вряд ли они могли быть изданы при самом Чингиз-хане (прав. 1206-1227): в

---

⁷³ Цит. по: Сумьябаатар Б. Монгольский законодательный памятник XIII в. С. 162-163.

период его правления особым влиянием в государстве пользовались военачальники из числа ближайших сподвижников основателя империи, бывшие «степные багатуры», для которых убийство врагов (в т. ч. и не участвовавших в боевых действиях), разграбление и сожжение городов и захват добычи считалось верхом геройства и молодечества. Основой взаимодействия с местным населением в эпоху Чингиз-хана было его полное подчинение. Так, например, францисканец Иоанн де Плано Карпини сообщает: «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что..., они имеют приказ от Чингисхана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы».⁷⁴

Но уже при преемнике Чингиз-хана, его сыне Угедэе (прав. 1229-1241), а затем и при ханах Менгу (прав. 1251-1259) и Хубилае значительное влияние в империи начинают приобретать гражданские чиновники, выходцы из оседлых стран: кидань Елюй Чу-цай, хорезмийцы Махмуд Йалавач и Абд ар-Рахман (при Угедэе), китайцы Чжао Би, Яо Шу, Хао Цзин и др. (при Хубилае).⁷⁵ Новые сановники всячески старались проводить политику большей терпимости монгольских завоевателей по отношению к представителям чуждой им

---

⁷⁴ Плано Карпини И. де. История монгалов / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 117.

⁷⁵ См., напр.: Далай Ч. Монголия в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1983. С. 35 и след; Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цай. М.: Наука, 1965. С. 35 и след.

земледельческой культуры. Поэтому как раз в то время, когда монгольские завоевания велись с наибольшим размахом, в источниках фиксируются примеры того, что завоеватели стремились упорядочить взаимоотношения с завоеванным населением.

Так, например, до нас дошло интересное сообщение венгерского каноника Рогерия, который пережил монгольское вторжение в Венгрию и сам побывал в плену у завоевателей, так что совершенно не имел причин приукрашивать их деяния. Тем не менее, он сообщает, что в 1241 г. монголы сумели привлечь на свою сторону ряд венгерских и немецких феодалов и с их помощью стали распространять призывы к местному населению вернуться в населенные пункты, обещая мирное существование.⁷⁶ Еще один венгерский современник монгольского вторжения в Европу – Фома Сплитский, охарактеризовавший монголов как настоящих выходцев из ада, однако, отмечает, что монголы «не выказали всей своей свирепой жестокости и, разъезжая по деревням и забирая добычу, не устраивали больших избиений».⁷⁷

В китайской династийной истории «Юань ши», составленной в 1369 г. (то есть,

---

⁷⁶ Хрестоматия по истории Средних веков. Т. II. X-XV века. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. С. 715. См. также: Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2006. С. 148.

⁷⁷ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О. А. Акимовой. М.: Индрик, 1997. С. 106.

уже после изгнания монголов из Китая) также встречается характерное сообщение, демонстрировавшее, что прошли времена, когда монгольские удалыцы имели возможность проявлять свою удалы за счет мирного населения завоеванных стран. «В пятой луне (4 июня – 2 июля) (1258 г. – *Р. II.*) царевич Асудай, по причине того, что охотился верхом в одиночку, потравил хлеба у простого народа. Государь (Менгу-хан – *Р. II.*), узнав об этом, укорял его, а нескольких человек, служивших в ближайшем окружении [царевича], за это подверг порке. Одного рядового воина, что отобрал у крестьянина луковицу, [государь] немедленно предал показательной казни. С тех пор никто не смел ни на йоту нарушать законы».⁷⁸ Это сообщение позволяет сделать два вывода: во-первых, в период правления Менгу-хана законы о неприкосновенности мирного населения завоеванных земель и их имущества уже были приняты; во-вторых, действие этих норм распространялось на всех без исключения подданных монгольского хана: подвергнутый взысканию царевич Асудай (Асутай) был ни кем иным как сыном самого Менгу-хана!

Даже после того, как Монгольская империя распалась, рассматриваемые положения, по-видимому, продолжали действовать и в государствах – ее преемниках. Так, например, сохранились сведения о том, что войска золотоордынских ханов Узбека (прав. 1313-1341) и его сына

---

⁷⁸ Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., введ ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009. С. 198.

Джанибека (прав. 1342-1357) во время войны в Иране не притесняли местное население, а те, кто покушался на имущество мирных жителей, подвергался суровому наказанию, а награбленное возвращалось владельцам.⁷⁹ Так, например, персидский историк второй половины XIV в. Зайн ад-Дин б. Хамдаллах Казвини, повествуя о войне золотоордынского хана Джанибека с азербайджанским правителем Маликом Ашрафом в 1356 г., сообщает: «В Хаштруде (район в Южном Азербайджане – Р. П.) в том году засеяли большую площадь, и хотя такое громадное войско два раза проходило там, но ни один колос хлеба не был сломан».⁸⁰ Подчеркнем, что это и подобные сообщения принадлежат современникам событий – персидским историографам, находившимся на службе у монгольских правителей Ирана, противников золотоордынских ханов, и, следовательно, также не имевших причин восхвалять своих врагов.

Отметим, что в некоторых случаях неприкосновенность распространялась лишь

---

⁷⁹ История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / Подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М. Х. Абусейтовой, Ж. М. Тулибаевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 174, 190.

⁸⁰ История Казахстана в персидских источниках. С. 191. См. также: Кушкумбаев А. К. Военное дело в Золотой Орде // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21-23 ноября 2007 г. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 121.

на представителей определенных категорий населения – в первую очередь, на духовенство. Так, например, персидский историк начала XIV в. Вассаф-хазрат сообщает, что хан Узбек во время похода на Иран в 1318 г. сурово наказывал своих воинов за покушение на имущество почитаемых персидских шейхов.⁸¹ Полагаем, в данном случае применялись даже не вышеприведенные нормы о неприкосновенности мирного населения, а ярлык о привилегиях духовенства, который впервые был обнародован Чингиз-ханом еще в 1223 г., а затем постоянно подтверждался его преемниками практически во всех государствах Чингизидов.⁸²

Даже в гораздо более поздние времена, когда, казалось бы, ушли в прошлое и Монгольская империя, и имперские традиции, соблюдавшиеся ее преемниками, можно встретить примеры действия норм, предписывающих воздерживаться от притеснений местного населения. Так, узбекский царевич Мухаммад Шайбани, потомок золотоордынских ханов и основатель Бухарского ханства (прав. 1500-1510), неоднократно запрещал своим воинам притеснять мирное население. Например, захватив в 1500 г. Бухару без боя, он не позволил грабить горожан, а ограничился лишь тем, что поставил в городе своего

---

⁸¹ История Казахстана в персидских источниках. С. 173-174.

⁸² См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды / Ред. И. М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 121, 181.

даругу-управителя.⁸³ Аналогичным образом он действовал и при завоевании Хорасана. Весьма характерным представляется эпизод, рассказанный современником узбекского завоевания державы Тимуридов – гератского ученого Зайн ад-Дина Васифи, описывающего взятие Герата Шайбани-ханом в 1507 г.: когда он и его родственник пришли в дом, захваченный узбеками, узбекский предводитель, приняв их за крестьян, разъяснил, что бояться им нечего, просто произошла смена землевладельца, и они теперь будут работать на него, а уж он будет о них заботиться.⁸⁴ В результате при осаде узбеками некоторых городов Мавераннахра складывалась весьма парадоксальная ситуация: в то время как сторонники Тимуридов еще обороняли город от узбеков, жители окрестных селений торговали с теми же узбеками прямо у стен осаждаемых городов!⁸⁵

Дальнейшая политика Мухаммада Шайбани-хана в бывших владениях Тимуридов также свидетельствовала о том, что он считал себя правопреемником монгольских ханов и придерживался их законодательства о неприкосновенности

---

⁸³ История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент: Изд-во АН СССР, 1947. С. 31.

⁸⁴ Болдырев А. Н. Очерки жизни гератского общества на рубеже XV-XVI вв. (Зайн ад-Дин Махмуд Васифи. Бадаи ал-Вакайи («Удивительные события») // Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока. Т. IV. Л., 1947. С. 354.

⁸⁵ См., напр.: Болдырев А. Н. Зайнадин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Душанбе: Адиб, 1989. С. 51.

местного населения и их прав. По его указанию ханский диван, в частности, принял следующее решение: «Хозяев имения, которые сейчас известны, надо расположить к себе и облегчить подати, чтобы они вернулись на места постоянного жительства. По возвращении надо их побудить, чтобы они распорядились в своих имениях как владельцы. Тогда страна благоустроится и поземельная подать установится».⁸⁶

Разумеется, мы далеки от мысли идеализировать взаимоотношения монгольских завоевателей с мирным населением покоренных стран. Чаще всего запреты на притеснение мирного населения объяснялись отнюдь не природным гуманизмом и великодушием ханом-Чингизидов, а куда более практическими соображениями: во-первых, им необходимо было обеспечить лояльность со стороны новых подданных; во-вторых, с населения, не подвергшегося грабежам и разорению, можно было взимать больше налогов. Более того, приведенные примеры соблюдения прав мирного населения, по сути, единичны, тогда как примеров обратного – насилия над мирными жителями, грабежей и разорения городов – гораздо больше. Попробуем проанализировать обстоятельства, при которых монголы проявляли жестокость и нарушали вышеприведенные правовые нормы.

---

⁸⁶ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р. П. Джалиловой. Под ред. А. К. Арендса. М.: Наука, 1976. С. 156.

Оставляя в стороне кампании монголов, которые преследовали цель исключительно грабежа (как, например, периодические набеги золотоордынских войск на Польшу, Венгрию, Литву и пр.) или тотального разрушения государств (к примеру, боевые действия Тимура против Золотой Орды в 1390-1395 гг.), мы рассмотрели примеры действий монгольских войск в тех землях, которые Чингизиды намеревались завоевать с целью властвования. Результаты анализа свидетельствует о том, что и свои действия, сопровождаемые жестокостями и разрушением, они обосновывали с правовой точки зрения!

Так, например, зверства монголов в Волжской Булгарии в течение 1236-1240 гг. объясняются тем, что местные правители, поначалу подчинившись власти монголов, впоследствии восстали: «Пришли тамошние эмиры Баян и Джику и (изъявили) царевичам покорность. Получив милость, возвратились (назад), но снова взбунтовались. Снова послали Субадай бахадур, чтобы (тот) овладел (ими)», – сообщает персидский историк Рашид ад-Дин.⁸⁷ Жестокость, с которой золотоордынский хан Токтамыш (прав. 1380-1395) обрушился в 1382 г. на русские земли, также объяснялась тем, что его русские вассалы отказались ему повиноваться и пытались вести себя с «царем» как с равным, ограничившись «дарами» вместо выплаты дани

---

⁸⁷ Цит. по: Арсланова А. А. Остались книги от времен былых... Казань: Татарское книжное изд-во, 2002. С. 173.

(«выхода»)).⁸⁸ Будущий бухарский хан Мухаммад Шайбани, захватив в 1500 г. Бухару, о чем было сказано выше, не позволил своим воинам притеснять местное население. Но когда бухарцы, ошибочно истолковав его великодушие как слабость, некоторое время спустя восстали и прогнали его наместника с гарнизоном, Шайбани-хан немедленно обрушился на город и подверг его разорению, а жителей – грабежу, насилиям и избиению.⁸⁹

Таким образом, монгольские правители применяли насилие по отношению к мирному населению в тех случаях, когда вассалы восставали против своего законного сюзерена – хана из рода Чингизидов. Мятеж и, тем более, предательство доверия рассматривались монголами как одно из страшнейших преступлений и подлежали незамедлительному и суровому наказанию. Таким образом, они, карая восставших и предателей, никоим образом не нарушали правовых норм о правах мирного населения, а следовали другим нормам, предписывающим суровое пресечение любого покушения на власть монархов из дома Чингиз-хана. Дело в том, что потомки Чингиз-хана (члены так называемого «Золотого рода») являлись также и

---

⁸⁸ См., напр.: Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 69.

⁸⁹ См.: История народов Узбекистана. С. 31; Мукминова Р. Г. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. // Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР. Вып. 3. Ташкент, 1954. С. 122-123.

носителями некой божественной харизмы (являвшейся основанием их права на власть).⁹⁰ Поэтому такие посягательства на их власть рассматривались и как преступления религиозного характера, нарушающие вселенский порядок, что лишь усиливало жестокость карательных мер. Так, например, известны случаи жестокой расправы золотоордынских ханов с русскими князьями, совершившими (по воззрениям монголов) преступления в сакральной сфере.⁹¹

В более поздние времена религиозный аспект в правовом обосновании чрезмерной жестокости монголов значительно усилился. Если первые монгольские ханы придерживались принципа религиозной толерантности, то их потомки, принявшие ислам, зачастую оправдывали свои агрессивные устремления, придавая военным кампаниям характер «священной войны». Один из наиболее показательных

---

⁹⁰ Григорьев А. П. Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII-XV вв. // Востокведение. Вып. 3. 1977. С. 133, 135; Скрынникова Т. Д. Представления о харизме и культ Чингисхана у монголов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 15. СПб., 1995. С. 143.

⁹¹ См., в частности: Рыкин П. О. 1) Гибель князя Михаила Черниговского в свете традиционных монгольских верований // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 85-89; 2) Монгольский средневековый ритуал в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского (1270 г.): опыт интерпретации // *Nomadic Studies*. 2005. № 11. С. 62-73.

примеров – поход уже неоднократно упоминавшегося Мухаммада Шайбани-хана против казахов в 1509 г. Как известно, казахи и узбеки были весьма родственными народами (зачастую представители одних и тех же племен проживали как в казахских, так и в узбекских владениях),⁹² и правившие ими ханы были родственниками друг друга: узбекские ханы происходили от Шибана, пятого сына Джучи, первенца Чингиз-хана, а казахские – от Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи. Тем не менее, между казахами и узбеками существовала многолетняя вражда из-за спорных территорий и постоянных грабежей друг друга в ходе набегов. Чтобы придать своему очередному грабительскому набегу на казахов законный характер, Шайбани-хан обратился к придворным знатокам мусульманского права, и те издали фетву, согласно которой казахи объявлялись язычниками, а война против них – газаватом, то есть борьбой во имя торжества веры.⁹³ Соответственно, это решение правоведов в полной мере оправдывало любые проявления жестокости, грабежи, пленение и уничтожение мирного казахского населения: правоверные

---

⁹² См., напр.: Тынышпаев М. Отзыв о труде А. П. Чулошникова по истории казак-киргизского народа // Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Санат, 2002. С. 56.

⁹³ Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 80; Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Труды академии наук Таджикской ССР. Том XII. 1954. С. 32-33; Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара. С. 105-106.

мусульмане, к каковым относили себя бухарский хан и его приверженцы, могли позволить себе не церемониться с «неверными»!

Безусловно, такие действия монголов не всегда осознавались их иностранными современниками в правовом аспекте, и поэтому карательные меры ханских войск зачастую трактовались как проявление природной жестокости монголов. Не удивительно, что подобные проявления жестокости в большинстве случаев заставляли забывать о более редких примерах соблюдения завоевателями прав гражданского населения.

Таким образом, в праве Монгольской империи имелись официально зафиксированные нормы о соблюдении прав мирного населения в период завоеваний, которые применялись и государствами – преемниками империи. Можно отметить, что многие положения цитированного выше документа нашли отражения в современном праве войны и мира, в том числе – в IV Гаагской конвенции 1907 г. и IV Женевской конвенции 1949 г.⁹⁴ [см., напр.: 2, с. 242; 29, р. 118]. Это подчеркивает передовой для своего времени характер правовых норм Монгольской империи, касающихся взаимоотношения с населением завоеванных стран (в европейской военной практике неограниченный грабеж и насилие над

мирным населением сохранялись как правовой обычай еще в XVI-XVII вв.⁹⁵ [см., напр.: 28, р. 19-21]). Вместе с тем, нельзя не отметить, что и примеры несоблюдения упомянутых прав, как правило, имели под собой законные (с точки зрения монгольских завоевателей) основания.

---

⁹⁴ См., напр.: Бирюков П. Н. Международное право: Учебное пособие. М.: Юристъ, 1998. С. 242; The legitimate use of military force: The just war tradition and the customary law of armed conflict / Ed. by H. M. Hensel. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2008. P. 118.

---

⁹⁵ См., напр.: Black J. European warfare, 1494-1660. London; New York: Routledge, 2005. P. 19-21.

Следы римского влияния в Швейцарии

Римская «страница» швейцарской истории удивительна и интересна. Первые упоминания о народе, живущем на территории, где расположена современная Швейцария, крайне немногочисленны и зачастую связаны с легендами и преданиями.¹ Они охватывают период до I в. до н. э.,² а более подробные сведения относятся ко времени правления Юлия Цезаря.³ Но даже последующая история тех областей, которые сегодня составляют Швейцарию, весьма темна и ограничивается данными, почерпнутыми из римских источников и коротких литературных заметок преимущественно иностранных авторов.⁴

Гельветы – племя кельтского происхождения, по имени которого страна в древности называлась Гельветией.⁵ Они были первыми обитателями Швейцарии, о которых упоминают римские историки, и населяли западную и среднюю Швейцарию и часть Германии между Рейном и Майном. Гельветы были

воинственны и свободолюбивы, не признавали над собой ничьего господства. Форму правления и форму территориального устройства, существовавшие у них в то время, можно охарактеризовать как республиканскую и федеративную. У гельветов были народные собрания и весьма могущественная знать, имеющая многочисленных вассалов. Они вели пастушескую жизнь, много странствовали, страдали от набегов соседних племен, не стремясь при этом к созданию прочного единого государства. Кроме того, у них не было национального духа, каждое племя жило и действовало само по себе. Именно поэтому римлянам не составило особого труда завоевать Гельветию.⁶

Гельветы (гельветийцы) на западе и реты (ретийцы) на востоке были покорены римлянами в I в. до н. э. Гельветы, не выдержав давления со стороны германских племен, предприняли попытку переселиться в Галлию, но в 58 г. до н. э. были разбиты при Бибракте войсками Юлия Цезаря. Чуть позднее, в 15 г. до н. э. римским государством были подчинены и реты, составившие провинцию под названием Реция. Территория западной части Швейцарии сначала вошла в состав провинции Трансальпийская Галлия, а затем была выделена в самостоятельную провинцию – Гельветию.⁷

---

¹ Planta J. The history of the Helvetic Confederacy: In 2 vol. Vol. 1. London, 1800. P. 83-84.

² Советская историческая энциклопедия: В 16 т. Т. 16 / Под ред. Е. М. Жукова. М., 1975. С. 157.

³ История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 203, 478, 503.

⁴ Guggenbühl G. Geschichte der schweizerischen Eidgenossenschaft: In 2 Bd. Bd. 1 (Erster Band). Von den Anfängen bis zum Jahre 1648. Erlench – Zürich, 1947. S. 11; Heierli J. Urgeschichte der Schweiz. Zürich, 1901. S. 425.

⁵ Энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 2 / Под ред. Б.А. Введенского. М., 1964. С. 662.

---

⁶ Ван-Мюйден Б. История швейцарского народа: В 3 т. Т. 1. СПб, 1898. С. 3-4.

⁷ Советская историческая энциклопедия. Т. 16. С. 157-158.

Попав в зависимость от Рима, покоренные племена восприняли римский язык (латынь) и, отчасти, римскую культуру. Римляне покрыли страну сетью превосходных дорог и водопроводов, получили развитие торговля и денежное обращение. В Гельвецию начало проникать христианство, кое-где возникли монастыри, появилась целая церковная организация с собственными епископами, были построены многочисленные памятники и храмы.

Население Гельвеции в значительной степени подверглась романизации, в городах началось бурное развитие. Из существовавших уже в то время городов известны: Aventicum (ныне Avenche в кантоне Ваадт), Genava (Женева), Lausonium (Лозанна), Salodurum (Золотурн), Vindonissa (ныне Vindisch в кантоне Ааргау), Turicum (Цюрих), Vitudurum (Винтертур) и др.¹

С III в. н. э. римское господство в Гельвеции начало клониться к упадку под влиянием нападений германцев. В V – VI вв. ее территория была завоевана на западе бургундами, на севере алеманнами,² на юге остготами и другими германскими племенами. Почти все эти германские племена подпали под культурное влияние романизованного местного населения. Только алеманны сохранили свою

самобытность. Они и стали родоначальниками населения современной Швейцарии, говорящего на немецком языке. На западе, юге и юго-востоке страны население стало говорить на языках, развившихся на основе латыни: французском, итальянском и ретороманском.

Алеманны успели почти полностью уничтожить следы римского влияния, в том числе христианство, и уже романизованные области германизировать. Даже в ходе рецепции римского права право немецкой части Гельвеции подверглось римскому влиянию в очень слабой степени и носило гораздо более чистый германский характер, чем право самой Германии. Бургундам в гораздо меньшей степени удалось подчинить завоеванную ими часть Гельвеции своему влиянию, потому юго-восточная и западная части страны остались романскими по языку и культуре.

Нынешний Граубюнден, расположенный на юго-востоке Швейцарии и попавший под власть остготов, сохранил свой ретороманский язык и отчасти римскую культуру. В кантоне Граубюнден говорят на трех языках: немецком, итальянском и ретороманском. Ретороманцы относятся к самой немногочисленной языковой группе Швейцарии, составляя менее одного процента от общей численности населения страны. Ретороманский язык, как итальянский и французский, имеет латинские корни. Он происходит от названия древней римской провинции Реция, где местным дороманским населением были реты – народ

---

¹ Водовозов В. Швейцария // <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/115/115207.htm>; Советская историческая энциклопедия. Т. 16. С. 158.

² Иногда их еще называют аламанами. В ряде романских языков слово «алеманны» сохранилось как наименование немцев. Энциклопедический словарь: В 2 т. Т.1 / Под ред. Б.А. Введенского. М., 1963. С. 36.

иллирийского или этрусского происхождения.¹ Внутри ретороманского языка можно выделить около пяти языковых подгрупп: Sursilvan, Sutsilvan, Surmiran, Puter и Vallader. В 1982 г. был искусственно создан общий для всех разновидностей язык, так называемый „Rumantsch Grischun“, который используется, прежде всего, для административных целей. В средствах же массовой информации употребляются все выше перечисленные разновидности.² С 1938 г. ретороманский становится четвертым национальным языком Швейцарии,³ а в соответствии с поправкой, внесенной в соответствующую статью Конституции 4 июня 1996 г., – официальным языком в отношениях швейцарского государства с гражданами, для которых этот язык родной.⁴

Кантон Тессин или Тичино, как его называют на итальянский манер, в еще большей степени, чем Граубюнден подчинился римским влияниям. В этом кантоне, а также в четырех южных долинах Граубюндена говорят на итальянском языке. Кстати, на итальянском в Швейцарии говорит около восьми процентов, а на французском – около двадцати процентов населения страны. Для большинства же швейцарцев –

примерно для двух третей – родным является немецкий язык. Помимо национальных языков в Швейцарии существуют также многочисленные кантональные и региональные наречия и диалекты.

В период раннего средневековья территория нынешней Швейцарии была завоевана франками и к концу V – началу VI вв. присоединена к франкскому государству.⁵ Она вошла в состав империи Карла Великого, а затем Священной Римской империи.⁶ В ней стало вновь распространяться христианство, возникло значительное число монастырей, которые при франкских королях получили в свое владение большие земельные владения. Территория Гельветии не раз подвергалась делению, как в интересах управления, так и в результате завоеваний.

По мере присоединения к Швейцарскому союзу новых кантонов издавались многочисленные постановления, имеющие своей целью связать отдельные кантоны друг с другом и укрепить чувство единства между ними. Наиболее важными являются, на наш взгляд, «Поповская хартия» или

---

¹ Ретороманские языки // <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008209/1008209a1.htm>

² Языки в Швейцарии // <http://www.swissworld.org/rus/swissworld.html>

³ Бородина М.А. Ретороманские языки // <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/096/697.htm>

⁴ Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Т. 3 / Под ред. Б.А. Страшуна. М.: БЕК, 1997. С. 420-421.

---

⁵ Территория, заселенная франками к 481 г., а также территории (в т. ч. современной Швейцарии), присоединенные к франкскому государству в указанный период времени, показаны на карте. Советская историческая энциклопедия: В 16 т. Т. 15 / Под ред. Е.М. Жукова. М., 1973. С. 288-289.

⁶ В данной работе мы будем использовать общепринятый в литературе термин “Священная Римская империя”. Советская историческая энциклопедия: В 16 т. Т. 12 / Под ред. Е.М. Жукова. М., 1969. С. 616-618.

«Поповское письмо» 1370 г.¹ и «Земпахская грамота» или «Земпахское письмо» 1393 г.² Первая из них юридически закрепила отношения между союзниками, кроме того, она явилась первым гражданским договором между ними. С ее принятием была проведена четкая грань между светской и церковной юрисдикцией, а также установлено правило, согласно которому член Союза не может быть судим иностранным судом. Значение «Поповской хартии» огромно – она отделила Швейцарский союз от Священной Римской империи. «Земпахская грамота» подтвердила и расширила положения «Поповской хартии» и еще больше отделила Союз швейцарских кантонов от Империи. Формально Союз продолжал признавать верховенство Империи, практически же оно было фиктивным и все больше и больше теряло свое бывшее значение.

Внутренние отношения между кантонами до принятия в Швейцарии в 1798 г. Конституции Гельветической республики,³ а затем в 1848 г. – первой Федеральной конституции⁴ оставались совершенно свободными и добровольными

---

¹ Der Pfaffenbrief. Vom 7. Weinmonat 1370. // Dr. J.C. Bluntschli. Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes. Bd. 2. S. 34-37.

² Der Sempacherbrief. Vom 10. Neumonat 1393. // Dr. J.C. Bluntschli. Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes. Bd. 2. S. 37-40.

³ Verfassung der helvetischen Republik. Vom Jahr 1798. // Dr. J.C. Bluntschli. Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes. Bd. 2. S. 305-322.

⁴ Перевод конституции см. по источнику: Соломонова С.А. Федеральная конституция Швейцарии 1848 г. // Правоведение. 2005. № 3. С. 167-183; немецкий текст см. по источнику: <http://www.verfassungen.de/ch/index48.htm>.

и регулировались их отдельными договорами. В 1481 г. в городе Стансе, кантон Унтервальден был заключен Договор,⁵ заменившей все предыдущие соглашения между кантонами. В него вошли в обобщенном виде основные положения из Поповской хартии.

Со времени подписания Станского соглашения союзники считали окончательно расторгнутой свою связь со Священной Римской империей и смотрели на себя как на совершенно отдельную европейскую державу. В связи с этим в 1495 г. Швейцарский союз отказался выполнить требование императора Максимилиана I Габсбурга и Вормского рейхстага об уплате налогов и податей в имперскую казну, что привело к войне в 1499 г. Но война, получившая название Швейцарской или Швабской, продлилась недолго и закончилась в том же году победой Швейцарии и фактическим признанием ее независимости от Священной Римской империи.⁶ Официально она была признана Вестфальским миром в 1648 г. и получила международное признание. В это же время в Швейцарии начинает зарождаться идея государственного нейтралитета и невмешательства в европейские дела, которая получит юридическое закрепление на Венском конгрессе.

Подводя итог рассуждениям о римском влиянии на Швейцарское

---

⁵ Stanzerverkommniß. Vom 22. Dezember 1481. // Dr. J.C. Bluntschli. Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes. Bd. 2. S. 40-44.

⁶ Friede zwischen den Eidgenossen und dem Reich. Vom 22. September 1499. // Dr. J.C. Bluntschli. Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes. Bd. 2. S. 144-150.

государство, можно сказать, что римляне, несомненно, привнесли много нового и прогрессивного по тем временам в жизненный уклад и культуру швейцарцев. Римское господство ознаменовало собой целый этап в истории Швейцарии. Но свободолюбивые жители Альпийской республики не могли долго оставаться в зависимости от Священной Римской империи. Любое вмешательство, идущее извне, не находило отклика на швейцарской земле и рано или поздно

сходило на нет. Так произошло с римским влиянием, так в свое время произошло и с французским. Небольшая по территории и численности населения Швейцария, расположенная в самом центре Европы, всегда шла своим путем, отличным от того, который выбирали, а иногда пробовали навязать и ей самой могущественные соседи. Про Швейцарию можно сказать так: маленькое государство, но со своей большой историей.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

А. А. Эксархопуло

Круглый стол

«Экспертиза как инструмент доказывания в судебном процессе»

4 октября 2012 года на юридическом факультете состоялось заседание круглого стола «Экспертиза как инструмент доказывания в судебном процессе».

Социально-экономические процессы, происходящие в стране в последние годы, тенденции к построению правового государства обуславливают растущую общественную потребность в высококвалифицированной юридической помощи гражданам и юридическим лицам. Однако многие квалифицированные юристы, в том числе судьи и адвокаты, участвующие в рассмотрении арбитражных споров, гражданских дел, дел об административных правонарушениях, весьма смутно представляют себе возможности судебной экспертизы, не говоря уже о простых гражданах, которые в данном вопросе всецело полагаются на правоведов. Принятие нового процессуального законодательства РФ существенно расширяет возможности использования

специальных знаний в судопроизводстве. Но, к сожалению, имеющаяся литература ориентирована почти исключительно на проблемы назначения и производства экспертиз по уголовным делам. К тому же эти публикации разрозненны, носят ведомственный характер и посвящаются обычно одному или нескольким родам экспертиз. Исходя из этого, нами была выбрана тема использования специальных знаний как инструмент доказывания в судебном процессе для круглого стола, как актуальная.

С вступительным словом выступил профессор кафедры конституционного и административного права **А. А. Эксархопуло**, который в своем выступлении обозначил основные проблемы, связанные с теоретическими основами и практическими вопросами судебной экспертизы как способа доказывания, правилами назначения экспертизы, оценки перспектив и тактики постановки вопросов, а так же вопросы использования результатов экспертизы в судебном процессе.

С докладом о проблемах оценки качества судебно-экспертных исследований выступила заведующая отделом трасологических и баллистических исследований ФБУ Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Минюста России Н. Ю. Гаврилова.

Один из старейших адвокатов Санкт-Петербурга А. Я. Бенцианов поднял тему о принципах достоверности заключений экспертов.

О спорных вопросах при оценке судебно-психологической экспертизы рассказала доктор психологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена И. А. Горьковская.

О своей практике использования экспертизы в качестве доказательства в судебном процессе и о проблемах, с которыми пришлось столкнуться рассказали адвокаты М. Ю. Епатко и И. А. Пакконен.

Адвокат К. Л. Иванова подняла вопрос об актуальной в последнее время судебной экспертизе по делам об определении места жительства детей, определении порядка общения с детьми. Эта тема была продолжена докладом, который представила кандидат психологических наук, эксперт ООО Центр независимых экспертиз «Аргумент» Т. В. Батухтина. В своем выступлении она озвучила ряд наиболее острых проблем и типичных ошибок, которые могут возникнуть в процессе производства такой экспертизы.

Очень интересно рассказал Генеральный директор ООО «Форенэкс» Г. Н. Зубов рассказал о новых возможностях судебной экспертизы видео и звукозаписей, подробно остановившись на особенностях оценки заключения эксперта, типовые ошибки экспертов при проведении этого вида экспертиз.

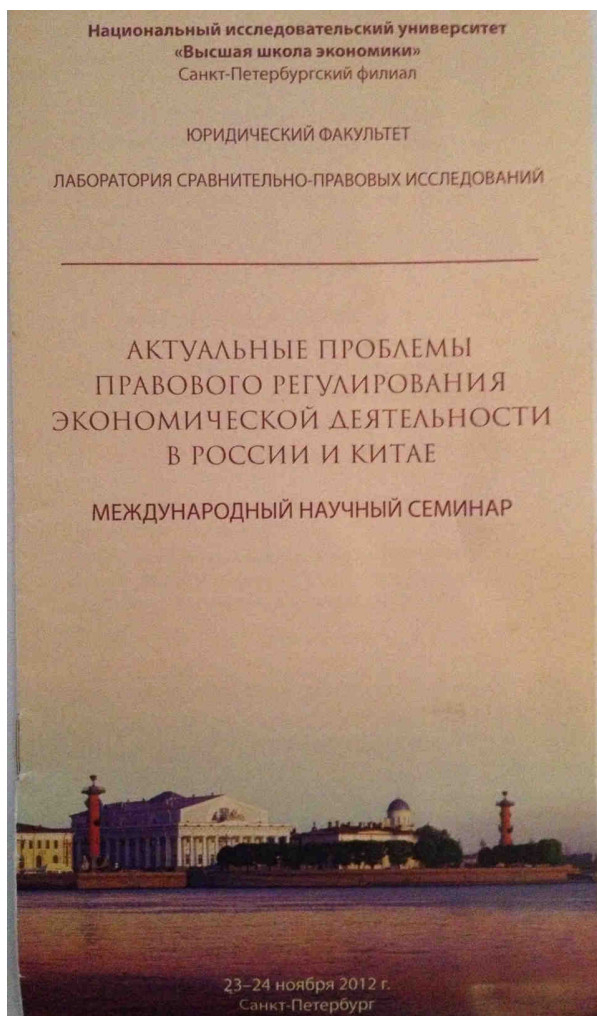
Главный эксперт экспертно-криминалистического управления ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области, преподаватель Кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России Л. А. Сысова рассказала о возможностях и проблемах, связанных с этим видом экспертиз. Прежде всего, речь шла о проблемах разработки и применения новых тактических, технических, методических и иных средств, приемов и способов использования специальных познаний в области судебного почерковедения

В заключение работы круглого стола доцент кафедры теории и истории права и государства **Н. В. Потлячук** познакомила участников с проектом федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Большинство изменений в законе вызвали много споров у участников, в частности, у адвокатов и экспертов вызвали сомнения пункты, касающиеся предложений об обязательной аттестации и сертификации негосударственных экспертов, в том, что данная процедура будет соответствовать основным целям и задачам судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Участники круглого стола выразили благодарность организаторам за организацию разговора на актуальную тему и пожелания в дальнейшем организовывать подобные мероприятия как на темы, касающиеся применения специальных знаний в целом, так и на более узкие темы, касающиеся вопросов по конкретным видам экспертиз.

Проблемы правового регулирования экономики в России и Китае

23 – 24 ноября 2012 г. состоялся Международный научный семинар «Актуальные проблемы правового регулирования экономической деятельности в России и Китае», организованный юридическим факультетом и Лабораторией сравнительно-правовых исследований Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ с участием российских и китайских правоведов.

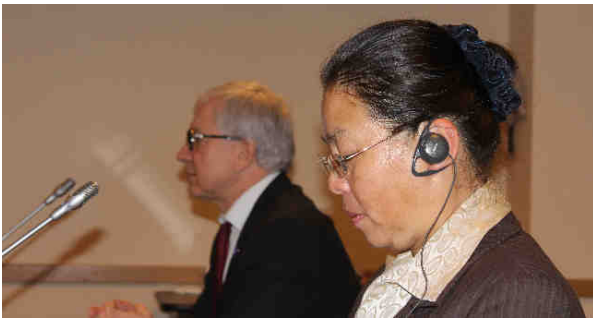

С приветствием к участникам семинара обратилась заместитель директора НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, декан юридического факультета

Т. А. Алексеева, которая в своем вступительном слове осветила исторические основы и перспективы сотрудничества России и Китая. В выступлении Т. А. Алексеевой были кратко охарактеризованы основные этапы развития дипломатических и международно-правовых отношений двух стран, правовая основа сотрудничества в сфере науки и образования, особое внимание было уделено политическому и экономическому сотрудничеству Российской Федерации и Китайской Народной Республики в рамках БРИКС.

В ходе работы семинара были обсуждены различные аспекты обсуждаемой проблематики. Так, с докладами о субъектах гражданско-правовых отношений выступили заведующий кафедрой гражданского права и процесса, судья Конституционного суда РФ **Г. А. Гаджиев**, профессор Китайского университета политологии и права (Пекин, КНР) **Фей Анлин**, доцент кафедры гражданского права и процесса **В. В. Бондаренко**.

Проблемы общей части обязательственного права были обсуждены в рамках представления докладов профессора кафедры гражданского права и процесса, полномочного представителя Президента в Конституционном Суде РФ **М. В. Кротова** и Ян Инхун из Педагогического университета (г. Фуцзянь, КНР).

Своеобразный диалог относительно договорных обязательств состоялся в форме представления докладов преподавателя кафедры гражданского права и процесса **Л. С. Михалевича** и профессора Университета Внутренней Монголии Лю Инлянь (г. Хух-Хото, КНР).

Ряд докладов по вопросам современного коммерческого права был представлен в рамках обсуждения соответствующей тематики. С российской стороны, выступили, в частности, доценты кафедры коммерческого права юридического факультета СПбГУ **К. Лебедев** и **А. Ю. Бушев**, заведующая

кафедрой коммерческого права СПбГУЭФ **О. К. Кремлева**, доцент кафедры гражданского права и процесса **С. М. Ковалевский**. Были также заслушаны доклады китайских коллег – профессоров Китайского университета политологии и права **Ху Лилин** и **Бо Енна**. Большой интерес вызвали доклады преподавателя кафедры финансового права юридического факультета НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург **П. Г. Рябинчук** о проблемах строительного права и доцента кафедры теории и истории права и государства **А. К. Волкова** об особенностях правового регулирования инвестиций в газодобывающей отрасли РФ.

Второй день работы семинара начался с приветствия в адрес участников заместителя министра юстиции РФ **Е. А. Борисенко**.

Центральной темой обсуждения стали вопросы государственного регулирования экономической деятельности. Своими соображениями по данной тематике поделились профессор Китайского университета политологии и права **Ло Джимин**, его коллега **Ли Вентин**, а также профессор Института финансов и экономики **Лу Хуннан** (г. Цзянси, КНР), профессор **Ван Синхун** из

Педагогического университета (г. Фуцзянь), Джан Енли из Пекинского политехнического института. Российскими докладчиками стали доцент кафедры предпринимательского права факультета права юридического факультета НИУ ВШЭ (г. Москва) С. А. Чеховская, доцент кафедры коммерческого права юридического факультета СПбГУ О. А. Макарова, доцент кафедры гражданского права и процесса **И. М. Шевченко**.

Четвертым направлением работы семинара стали современные проблемы финансового права. Доклады по этой тематике представили профессор Ван Юн из Китайского университета политологии и права, профессор Дзян Уджин их Института финансов и экономики (г. Цзянси), преподаватели кафедры финансового права **А. М. Лаптева** и **И. А. Макарова**.

Завершили семинар доклады профессора Китайского университета политологии и права Ван Джихуа и заведующего кафедрой финансового права **Д. В. Нефедова**.

Идея организации мероприятия возникла после проведения семинара «Правовые аспекты БРИКС» в сентябре 2011 г. в Санкт-Петербурге, который способствовал осознанию необходимости проведения двусторонних семинаров, посвященных проблемам правового регулирования экономической деятельности. Участники семинара обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества, выразив намерение продолжить его на постоянной основе.

УЧАСТИЕ СОТРУДНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА В НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА (хроника событий сентября – декабря 2012 г.)

С 2 по 10 сентября 2012 года заместитель декана юридического факультета **А. К. Волков** и заведующий кафедрой финансового права профессор **Д. В. Нефёдов** посетили Китайский университет политологии и права (Пекин, КНР) по приглашению Политико-юридического факультета. Главной целью командировки были переговоры об организации международного научного семинара в Санкт-Петербурге (см. материал *А. К. Волкова и Д. В. Нефедова в настоящем номере*).

Преподаватели познакомились с руководством университета, осмотрели старое и новое университетские здания, посетили прекрасную современную библиотеку юридического факультета и, по приглашению китайских коллег, познакомились с учебным процессом, студенческим бытом на факультете.

17-28 сентября 2012 года состоялась командировка заместителя директора, декана юридического факультета **Т. А. Алексеевой** в Бразилию. На международном семинаре «Римское право и БРИКС» 19 сентября 2012 г. она выступила с докладом на тему: «Юридическое образование в странах БРИКС», показав, что римское право и римская правовая культура могут стать

базой для создания профессионального сообщества юристов стран БРИКС.

Т.А.Алексеева выступила с лекциями на магистерской программе «Римское право и современные романские правовые системы», которые были посвящены отдельным аспектам римского публичного права и его значению для развития конституционализма. Также ею была прочитана лекция «Римское публичное право и советские конституции» аспирантам кафедры международного права.

В соответствии с программой поездки состоялись встречи с ректором Д. Грандино Родасом, деканом юридического факультета университета Сан-Пауло А. Магалхаесом Гомесом Филхо, преподавателями юридического факультета университета Сан-Пауло и юридического факультета Католического университета Рио-де-Жанейро.

20 сентября 2012 года в Москве прошел круглый стол «Оценка уровня подготовки студентов», организованный Американской ассоциацией юристов и Институтом «Право общественных интересов» (PIInet). На круглом столе обсуждались актуальные вопросы формирования профессиональных компетенций юриста, методов и критериев их оценки. Представители ведущих вузов России и координаторы образовательных программ приняли участие в живой дискуссии, продемонстрировав различные подходы в понимании компетентности юриста и условий подготовки высококвалифицированных специалистов в области юриспруденции. В работе круглого стола приняла участие старший преподаватель кафедры конституционного и административного права **И. И. Маскаева**.

21-22 сентября 2012 года состоялась научно-организационная поездка старшего преподавателя кафедры конституционного и административного права **И. И. Маскаевой** в Университет г. Аугсбург (ФРГ). В рамках встречи обсуждались вопросы будущего сотрудничества юридических факультетов Университета г. Аугсбурга и НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, а также возможные направления совместных научных проектов, академических программ развития. Участники достигли предварительных договоренностей о партнерстве и выразили пожелания активного сотрудничества по всем обозначенным направлениям. Поездка состоялась при финансовой поддержке Фонда академического развития НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

25-28 сентября 2012 года состоялась научно-организационная поездка доцента кафедры теории и истории права и государства **Р. Ю. Почекаева** в Университет г. Амстердам (Нидерланды). Целью поездки установление партнерских отношений между юридическим факультетом НИУ ВШЭ и факультетом гуманитарных наук Амстердамского

университета. Прошел ряд встреч с представителями руководства факультета, было подписано соглашение о сотрудничестве с департаментом восточноевропейских исследований Университета Амстердама – организации международных научных мероприятий, разработке и реализации совместных научных проектов, а также об оказании взаимного содействия преподавателям и студентам различных кафедр и факультетов партнерских университетов по вопросам стажировок, академической мобильности и пр.

В рамках поездки **Р. Ю. Почекаев** также посетил Университет г. Лейден, где встретился с партнерами программы факультета гуманитарных наук Амстердамского университета.

Р. Ю. Почекаев также принял участие в работе специального семинара департамента восточноевропейских исследований, выступив перед преподавателями и студентами факультета с открытой лекцией по истории правовой политики Российской империи в Казахстане в XVIII-XIX вв.

Поездка состоялась при финансовой поддержке Фонда академического развития НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

28 сентября 2012 года в МГИМО прошла конференция, посвященная проблемам развития гражданского общества в России. Тематика конференции привлекла внимание специалистов ведущих вузов России, которые активно обсуждали альтернативы развития

гражданского общества в стране. На конференции был представлен доклад старшего преподавателя кафедры конституционного и административного права **И. И. Маскаевой**.

2 октября 2012 года в Институте государства и права РАН (Москва) состоялась Всероссийская конференция «Энциклопедия правоповедения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания» («Седьмые философско-правовые чтения памяти академика В. С. Нерсесянца»).

В конференции приняли участие ведущие теоретики права В.Г. Графский, В.В. Лазарев, А.В. Поляков, И.Ф. Мачин, И.Л. Честнов, М.В. Немытина, Е.В. Тимошина, Н.В. Варламова, Ю.Е. Пермяков и др. С докладом на конференции выступил доцент кафедры теории и истории права и государства **М. В. Антонов**.

5–8 октября 2012 года в Ивановском государственном университете состоялась VI международная научно-практическая конференция «Юридический позитивизм и конкуренция теорий права в XIX- XXI вв.: история и современность». Участниками конференции стали более 120 исследователей, в том числе ведущие российские теоретики права. Свой доклад на конференции представил доцент кафедры теории и истории права и государства **М. В. Антонов**.

11 октября 2012 года в НИУ «Высшая школа экономики» прошла Международная научно-практическая конференция «Модернизация правовых институтов: вызовы времени», посвященная 20-летию НИУ ВШЭ и 15-летию факультета права НИУ ВШЭ.

Общий тон конференции был задан на пленарном заседании выступлениями Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Иванова, судьи Конституционного Суда РФ **Г. А. Гаджиева**, судьи Конституционного Суда РФ в отставке Т. Г. Морщаковой, руководителя Федеральной антимонопольной службы РФ И. Ю. Артемьева, Председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека М. А. Федотова. Вторая часть конференции проходила в форме секционных заседаний, на которых обсуждались актуальные проблемы новых подходов в теории, истории и философии права и юридического образования, проблемы «оптимального государства», развития институтов судебной системы, институционализации бизнеса, антимонопольного регулирования.

В конференции приняли участие заведующий кафедрой гражданского права и процесса **Г. А. Гаджиев**, заведующий кафедрой конституционного и административного права **В. А. Сивицкий**, заведующий кафедрой теории и истории права и государства **Р. Ю. Почекаев**, преподаватели кафедры конституционного

и административного права **А. А. Смирнова** и **И. И. Маскаева**.

15 октября 2012 г. заместитель директора, декан юридического факультета **Т. А. Алексеева** приняла участие в научной конференции «Приоритеты стратегии БРИКС как международного объединения», проводимой Национальным комитетом по исследованию БРИКС и Институтом Латинской Америки РАН, и приняла активное участие в дискуссии по обсуждавшимся вопросам.

17-20 октября 2012 года состоялась поездка заместителя директора, декана юридического факультета НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург **Т. А. Алексеевой** в Казахский государственный университет (г. Алматы), в ходе которой она познакомилась с юридическим факультетом, работой ректората и различных служб университета. Также состоялись встречи с коллегами, руководством Университета и юридического факультета. **Т.А. Алексеева** прочитала студентам юридического факультета несколько лекций по истории государства и права зарубежных стран.

18-19 октября 2012 года в Университете Хельсинки (Финляндия) состоялась международная конференция «Изменения российского права: легальность и вызовы современности» («Changing the Russian Law: Legality and Current Challenges»).

В работе конференции приняли участие более 50 участников из

Финляндии, России, США и других стран, было представлено 18 научных докладов. С докладом выступил доцент юридического факультета НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург **М. В. Антонов**.

22-23 октября 2012 года заместитель директора, декан юридического факультета **Т. А. Алексеева** приняла участие в научной конференции «Конституционализм в Европе и Америке: наследие прошлого и перспективы (к 200-летию Кадисской конституции 1812 года)», организованной Российским государственным гуманитарным университетом, на которой выступила с докладом по теме «Политическая конституция испанской монархии 1812 года: общая характеристика юридических особенностей».

29 октября – 10 ноября 2012 года доцент кафедры теории и истории права и государства **М. В. Антонов** находился на краткосрочной стажировке (*visiting scholarship*) на юридическом факультете Тартуского университета (Эстония).

В рамках поездки он выступил перед студентами Тартуского университета с тремя лекциями, провел встречу с сотрудниками Верховного суда Эстонии, расположенного в Тарту, принял участие в ряде научных семинаров и дискуссий, устраиваемых юридическим факультетом Тартуского университета.

30 октября – 2 ноября 2012 года в Оренбургском филиале Российской

академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации прошла Всероссийская научная конференция с международным участием «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.)». Конференция проводилась в рамках серии мероприятий, посвященных 1150-летию российской государственности. Она привлекла внимание исследователей (историков, правоведов, политологов, социологов) из различных городов и регионов России – Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Астрахани, Белгорода, Екатеринбурга, Петрозаводска, Казани, Липецка, Саратова, Уфы, Челябинска. В конференции принял участие также ряд ученых из стран ближнего и дальнего зарубежья – Белоруссии, Казахстана, Польши, Узбекистана, Японии.

На двух пленарных заседаниях, пяти секциях и нескольких круглых столах обсуждался самый широкий круг вопросов – как в хронологическом, так и в аспектном отношении. При этом довольно четко определилось два направления, представители которых оказались заинтересованы в тесном взаимодействии – историко-источниковедческое и историко-правовое.

Свой доклад на конференции представил доцент кафедры теории и истории права и государства **Р. Ю. Почекаев**.

12-14 ноября 2012 года в Институте всеобщей истории РАН (Москва) прошла

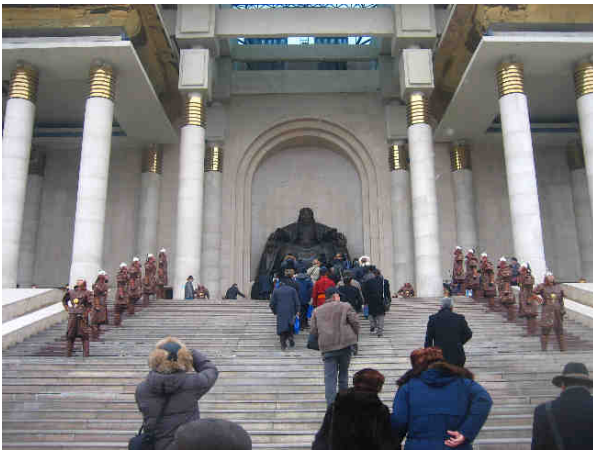
конференция «Мир империй: ученые, знания и «искусство управления» периферией в колониальных и континентальных империях». В ней приняли участие около 25 участников из различных регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Саратов, Ярославль и др.), Австрии, Германии, Эстонии, Японии.

Были освещены самые разные вопросы, связанные с созданием и управлением империй в истории Нового и новейшего времени: экономическая и военная политика, институты управления, представления центральных властей о населении национальных окраин, проблемы образования и т. п. С докладом на конференции выступил доцент кафедры теории и истории права и государства **Р. Ю. Почекаев**.

14-15 ноября 2012 года в Улан-Баторе (Монголия) прошла конференция «Ginggis Khaan and Globalization» («Чингис-хан и глобализация»), посвященная 850-летию со дня рождения Чингис-хана (1162-1227).

В конференции приняли участие около 60 участников – примерно по 30 специалистов из Монголии и зарубежных стран – России, КНР, Болгарии, Венгрии, Израиля, Ирана, Казахстана, Киргизии, США, Турции, Южной Кореи, Японии.

Тематика докладов была весьма разнообразной, однако много внимания уделялось вопросам государственного устройства империи Чингис-хана и тюрко-монгольских государств и монгольского средневекового права – в первую очередь Великой Ясе Чингис-хана, один из докладов о которой был представлен доцентом кафедры теории и истории права и государства **Р. Ю. Почекаевым**.

15-16 ноября 2012 года в Санкт-Петербургском государственном университете прошла IV ежегодная научно-практическая конференция с международным участием «Медицина и право в XXI веке», организаторами которой являются Ассоциация медицинского права Санкт-Петербурга и СПбГУ.

В конференции приняли участие, в том числе с помощью видео трансляции, ученые различных отраслей юридической и медицинской науки из 8 стран: России, Украины, Нидерландов, Финляндии,

Австралии, Швейцарии, Италии, США. Были обсуждены актуальные вопросы медицинского права: правовое регулирование и юридическая квалификация ответственности субъектов медицинской деятельности; правовое регулирование частного здравоохранения; актуальные организационно-правовые вопросы системы обязательного медицинского страхования; правовые последствия вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию для сектора здравоохранения, страхования и фармацевтической индустрии; правовые аспекты электронного документооборота и IT-технологий в здравоохранении.

С докладом выступила младший научный сотрудник Лаборатории сравнительно-правовых исследований **Т. И. Акулина**.

16 ноября 2012 года в местности Цонжин болдог (Монголия, 50 км на восток от Улан-Батора) прошла Международная научная конференция «Чингис-хан и его культурное наследие» («Чингис Хаан Тууний өв соёл»). В конференции приняли участие около 20 участников из Монголии, Внутренней Монголии (КНР), России, Киргизии.

Несмотря на довольно широко заявленную тематику конференции, большая часть докладов была посвящена различным аспектам военного дела Монгольской империи, поскольку поводом для проведения конференции послужила презентация проекта «Түмэн хишигтэн»,

представляющего собой историко-культурный центр, посвященный кешиктэнам (личной гвардии) Чингис-хана. Прозвучали доклады о военной организации средневековых монголов, различных родах войск, военных поселениях, правовом регулировании военного дела. Свой доклад на конференции представил доцент кафедры теории и истории права и государства **Р. Ю. Почекаев**.

27 ноября 2012 года в Академии МВД состоялась конференция, посвященная 90-летию профессора Р.С.Белкина, в которой приняли участие ведущие ученые-криминалисты, в том числе профессор кафедры конституционного и административного права **А. А. Эксархопуло**.

27-28 ноября 2012 года в Московской государственной юридической академии прошла IV Международная научно-практическая конференция «Правовая политика: вызовы современности» (в рамках «Кутафинских чтений», ставших, в свою очередь, частью Второй московской юридической недели).

Конференция объединила ведущих и молодых ученых, занимающихся исследованиями в различных отраслях права, предоставив возможность обменяться мнениями по наиболее актуальным вопросам российского права. Работа проходила в рамках пленарного и 26 секционных заседаний.

В конференции приняли участие преподаватели юридического факультета **Т. И. Акулина, М. В. Антонов, Н. В. Дунаева, А. М. Лаптева, И. А. Макарова, И. И. Маскаева, А. А. Смирнова**.

6 декабря 2012 года на юридическом факультете СПбГУ состоялся очередной немецко-российский научный симпозиум в рамках программы «Партнерство в модернизации». Темой мероприятия была объявлена «Правовая коммуникация в современной правовой системе». Это научное событие собрало более 50 слушателей, а с докладами выступили немецкие и российские ученые, среди которых **В. Кравиц (Мюнстер), А. Громицарис (Дрезден), К. Федделер (Кассель), А. В. Поляков (СПбГУ), С. В. Королев (Институт государства и права РАН), И. Л. Честнов (Санкт-Петербургский институт Генпрокуратуры РФ)**. Был также заслушан доклад доцента кафедры теории и истории права и государства **М. В. Антонова**.

17-18 декабря 2012 года заместитель директора, декан юридического факультета **Т. А. Алексева** вместе с коллегами из Италии, Франции, Китая, Венесуэлы, Аргентины приняла участие в ежегодном научном семинаре «Римская республиканская традиция», проведенной

Мэрией Рима и Римским университетом “*Sapienza*”. На данном мероприятии, посвященном 1900-летней годовщине конституции императора Каракалы, предоставившей права граждан всем

жителям Римской империи (212 г.), Т.А. Алексеева выступила с докладом «Гражданство в конституционных проектах Ф. Миранды».

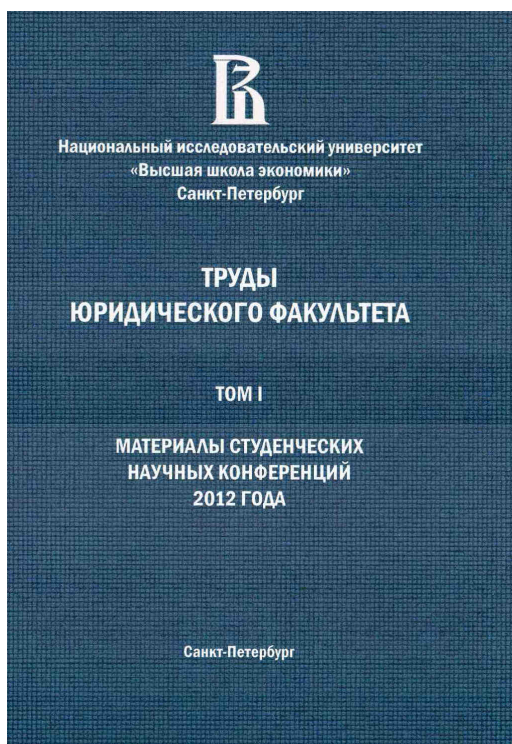
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И ЕГО СОТРУДНИКОВ

Клеймёнов И. М. Сравнительная криминология: монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. 368 с.

Монография посвящена новому научному направлению – сравнительной криминологии. Рассмотрены методические и методологические основания сравнительных криминологических исследований, дана характеристика криминологических и уголовно-политических систем ведущих стран мира. Предложен криминологический анализ наиболее актуальных проблем, вызванных криминализацией социальных отношений, включая «новые революции» и «криминальное государство». В определенной степени восполнен существующий пробел в области сравнительного анализа преступности и борьбы с ней в государствах различных правовых систем.

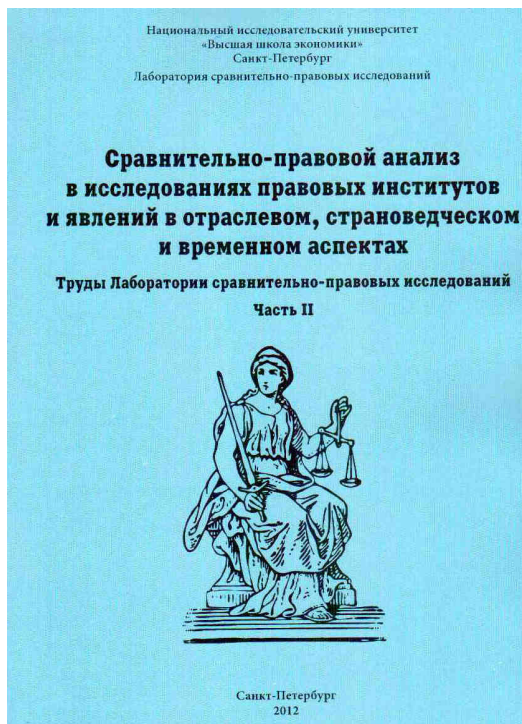
Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, ученых, профессионалов в сфере противодействия преступности самого различного профиля.

Труды юридического факультета. Т. I. Материалы студенческих научных конференций 2012 года / Ред.: Т. А. Алексеева, И. М. Клейменов, Д. В. Нефедов, Р. Ю. Почекаев. СПб., 2012. 256 с.

Юридический факультет НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург начинает публикацию трудов сотрудников и студентов. В первый том вошли материалы трех студенческих конференций, прошедших весной 2012 года – «Унификация права и политическое объединение страны (к 150-летию объединения Италии)», «Развитие капитализма в России: юридико-экономический аспект» и «Проблемы ответственности за экономические преступления».

Сравнительно-правовой анализ в исследованиях правовых институтов и явлений в отраслевом, страноведческом и временном аспектах: Труды Лаборатории сравнительно-правовых исследований. Ч. II / Редколл.: Т. А. Алексеева (отв. ред.), А. В. Ильин. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2012. 224 с.

В сборнике представлены основные результаты исследований сотрудников Лаборатории сравнительно-правовых исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург в сфере истории права, современного международного права, правовой компаративистики. Кроме того, впервые опубликованы русские переводы иностранных источников права, актуальных для отечественных специалистов.

Р. Ю. Почекаев, И. Н. Почекаева. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств. СПб.: Евразия, 2012. 384.

Книга является первой исследованием, посвященным истории правления женщин в тюрко-монгольских государствах эпохи Средневековья и Нового времени – от империи Чингис-хана до среднеазиатских государств середины XIX в.

Работа представляет собой серию из 25 очерков, посвященных конкретным правительницам, однако вместе они составляют целостное исследование правового статуса представительниц правящих семейств тюрко-монгольских государств (Монголии, Ирана и Средней Азии, Золотой Орды и ее преемников), его эволюции в XIII-XIX вв., средств достижения и сохранения власти, механизмам, позволявшим женщинам успешно бороться за трон и власть в «мужском» мире евразийских кочевников. Книга может быть полезна правоведам – историкам государства и права, а также студентам, обучающимся по соответствующим специальностям.